

АЛЕКС ДЕЛАКРУЗ

КНИГА
ПЕРВАЯ

КРАСНЫЙ РАССВЕТ

Алекс Делакруз
Красный рассвет. Иноходец
Серия «Красный рассвет», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Удивительно знакомый и в то же время чужой мир. Мир, где Третья мировая случилась сразу после Второй, и где в 2023 году выжившие великие державы спорят за контроль над территориями Африки и Северной Америки.

Ему всего двадцать один. Привычная жизнь давно разрушена, за спиной – перекрестки иных миров. Он в этом мире чужой, и он здесь как предвестник открытия врат, из которых скоро хлынет орда демонической нечисти. И ему нужно не просто об этом сообщить, но и заставить себе поверить.

Продолжение серии «Белый отряд», можно читать как самостоятельное произведение.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	42
Глава 4	58
Глава 5	79
Глава 6	107
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Алекс Делакруз

Красный рассвет. Иноходец

Глава 1

25 марта 2023 года

Северная Америка, г. Санкт-Петербург, Народная Республика Флорида

Массивный широкофюзеляжный Ил-969 приземлился настолько мягко, что я даже не почувствовал момент касания полосы. Салон сразу наполнил громкий гул – створки двигателей разошлись, реверсивной тягой замедляя бег двухпалубного воздушного лайнера. Постепенно скорость падала, гул реверса смолк, и вот мы уже управляемо катимся по взлетно-посадочной полосе.

Раздалось несколько робких хлопков, большинство пассажиров сразу подхватили, и в салоне зазвучали бурные и продолжительные аплодисменты. Вот ведь, меняются реальности, а традиция русского человека – хлопать при посадке остается неизменной.

– Уважаемые пассажиры, наш самолет совершил посадку в столице Республики Флорида, в аэропорту имени Кирова города Санкт-Петербург. Местное время шесть утра двадцать семь минут, температура воздуха двадцать три градуса

по Цельсию. Благодарим за выбор авиакомпании Аэрофлот, будем рады вновь видеть вас на борту. Товарищи, просим вас оставаться на своих местах с застегнутыми ремнями до полной остановки самолета.

Голос старшей бортпроводницы приятно разбавил гомон в салоне после приземления. Ночной беспосадочный перелет Петроград – Санкт-Петербург на восемь с половиной тысяч километров, больше одиннадцати часов в воздухе, наконец подошел к концу. Пока некоторые пассажиры довольно громко выражали радость по этому поводу, я в задумчивости головой покачал.

«Из Петрограда в Санкт-Петербург».

Все никак привыкнуть не могу. Санкт-Петербург, где мы сейчас приземлились – это город во Флориде, в девятнадцатом веке основанный. В Северной Америке есть еще один Санкт-Петербург, в моей реальности гораздо более широко известный из книг про Тома Сойера, но он в другом штате находится. Этот же Санкт-Петербург, одним из основателей которого был русский промышленник Петр Дементьев, в моем прошлом мире совершенно не на слуху.

В салоне катящегося по взлетно-посадочной полосе самолета между тем началось активное движение. Не все товарищи послушались призыва бортпроводницы и остались на местах – люди вставали, разминали ноги, доставали с полок ручную кладь, толпились в широких проходах. В очень широких проходах: мне, привыкшему к другим самолетам –

с сокращенными рядами для увеличения количества кресел, подобное в новинку.

Место у меня было у прохода, всегда так летаю, если есть возможность. Плюсов гораздо больше, чем если сидеть у иллюминатора. Минус один – в окошко полноценно не посмотреть. Так что сейчас, чуть наклонившись, я с интересом разглядывал по чужим иллюминаторам, как проплывает изумрудная трава поля вокруг взлетно-посадочной полосы.

С середины осени по конец марта в Питере (который в России и который здесь называется Петроград) можно снимать цветные фотографии и говорить, что снято на черно-белую пленку, все равно разницы никто не увидит. Здесь же даже через иллюминаторы поражают сочные цвета: чистое голубое небо, яркое солнце и изумрудная трава. Разительный контраст. Тем более что сегодня, когда мы вылетали ночью из Петрограда, температура была минус семь и дул порывистый ветер, неся с собой то колкий снег, то ледяной дождь. Я поэтому и на рейс едва не опоздал, Пулковское шоссе из-за крупной аварии колом встало.

Люблю вот так прилетать из зимы в лето. И, судя по возгласам, не только я: на двух рядах позади меня, полностью их занимая, по тому же поводу шумела обсуждением молодежь плюс-минус примерно моего возраста. Компания почти полтора десятка человек навскидку, парни и девушки. Мажоры из МГИМО – сами сразу громко представились таким образом, когда в Петрограде места занимали. И еще тогда вели

себя довольно шумно, обещая в полете дать стране угля мелкой крошкой.

Впрочем, судя по услышанным при посадке разговорам, непосредственно мажоров из МГИМО в компании практически не было. Большая часть молодежи – только-только закончившие школу юноши и девушки. Была в этой Российской Федерации традиция, что сразу после школы выпускник проводил год в путешествиях. Причем добровольно-обязательная традиция, и в семьях, где возможности самостоятельно отправить чадо посмотреть на мир не представлялось, получали путевки в профсоюзе, парткомме или службе социальной опеки, отправляя чадо по санаториям и туристическим маршрутам бескрайней и необъятной. На самом деле бескрайней и необъятной – границы Советского Союза здесь выходили за пределы одного континента, и над ним никогда не опускалось солнце.

Меня, к сожалению, подобная государственная щедрость обошла стороной по возрасту – я появился в этом мире всего полгода назад. И в процессе легализации (тайной, конечно же) был осчастливлен только трехмесячным курсом военной подготовки – обязательный для всего мужского и годного по состоянию здоровья населения «Курс молодого бойца».

Давным-давно, почти год назад, еще в другом мире являясь гражданином неизвестной здесь Российской Федерации, я вернулся из Африки, где после срочной службы отслужил

Отечеству еще один год по контракту. На фоне чего перспектива второй раз отправляться в армию мне, конечно, принесла бурю эмоций. Тем более что осенним призывом в Печенгу уехал, вот радость была. Впрочем, легальное получение паспорта, конечно же, того стоило. Тем более цена гражданства для меня уложилась всего в три месяца – все остальное сделало право по рождению и знание русского языка: паспорт я делал по программе репатриации соотечественников.

Между тем крики позади все нарастали, молодежь на рядах позади активничала все больше. Во время ночного полета угля мелкой крошкой «мажоры из МГИМО» может быть, кстати, и дали, не знаю – я почти весь перелет проспал и только перед посадкой проснулся, разбуженный на завтрак. И сейчас еще периодически позевывал, смаргивая выступившие на глаза слезы.

– Товарищи! Наш самолет находится в движении. Для вашей безопасности просим оставаться на своих местах до полной остановки самолета! – послышался усиленный динамиками голос. Бортпроводница говорила что-то еще, но активные студенты за моей спиной практически заглушили ее голос радостными возгласами.

Самолет между тем вырулил к терминалам, зеленое поле в иллюминаторах кончилось, ничего интересного не видно. Смотреть больше нечего, так что я откинулся на спинку кресла. И тут же почувствовал, что затылком уперся в чью-то руку. Причем после касания моей головы рука и не дума-

ла убираться.

Обернувшись, увидел молодого парня в массивных очках в роговой оправе. Невысокий рост он компенсировал прической – огромная и высокая кудрявая шевелюра. Похоже, сейчас мода и на такие массивные очки, и на такие прически – я за последние недели на улицах Москвы и Петрограда много похожих видел, вместе и по отдельности.

Лохматый мажор по-прежнему стоял, беззастенчиво облокотившись на подголовник моего кресла, и что-то активно рассказывал двум симпатичным девушкам. Обе блондинки, обе одного типажа – как будто Скарлетт Йоханссон с Дженнифер Лоуренс рядом поставили. Красивые, но красота довольно типичная – в московском метро на красной ветке таких красоток в каждом вагоне иногда пальцев рук пересчитать не хватит.

Еще обе девушки даже с учетом шевелюры выше лохматого мажора, который полностью завладел их вниманием. Ну прямо сердцеед профессиональный: блондинки смотрели на него с обожанием и как раз сейчас громко и заразительно засмеялись после очередной шутки. Вот прямо ну очень натурально, лишь чуть-чуть переигрывая.

– Уважаемый, – тронул я парня за локоть.

Тот, удивившись столь бесцеремонному вмешательству, с крайним удивлением на меня обернулся. Глаза чуть навывкате, да и взгляд неприятный – как барин на холопа смотрит, буквально.

– Это же не теплый ламповый звук, приятель, – неожиданно сказал я, не сумев подавить резкую вспышку раздражения.

– Что? – крайне удивился лохматый мажор.

– Цифра, не аналог, ты разве не слышишь? – снова озадачил я его вопросом.

Одна из красивых девушек, кстати, прекрасно поняла, о чем речь – бросила на меня короткий резкий взгляд, щеки ее мгновенно заалели. Я хотел было ей подмигнуть, но девушка уже отвернулась, показательно меня не замечая.

– Ты чего несешь, товарищ? С тобой все в порядке? – между тем поинтересовался у меня явно озадаченный лохматый сердцеед.

– Руку убери. Пожалуйста, – меняя тему, совсем другим голосом сказал я и показал на его локоть, лежащий на подголовнике моего кресла.

По-прежнему сохраняя крайне удивленный вид, мажор руку убрал и озадаченно поправил очки. Чувствуя внимательные взгляды остальной притихшей компании, смотрел он на меня теперь как на больного головой, причем делая это старательно-показательно. Всем видом демонстрируя, что не будь перед ним столь странный человек, так просто бы он просьбе не уступил.

– Спасибо, – сдержанно поблагодарил я и отвернулся.

Позади послышались вновь набирающие силу множественные голоса, судя по всему, довольно громко и бесце-

ремонтно обсуждающие мою персону – от компании молодежи произошедшее не укрылось. Мне было все равно – я уже не слушал.

Самолет между тем окончательно закончил рулежку и остановился, но трап пока не приезжал. Не, не трап будет, вон посадочный рукав подкатывают – заметил я мельтешение в иллюминаторах. В это время локоть лохматого мажора вновь оказался на подголовнике моего кресла, пару раз коснувшись моего затылка.

Ненавижу, когда кто-то вот так нагло лезет в мое, как это называлось в моем мире, «личное пространство». Еще больше это напрягает, когда делается подобное явно специально.

Прикрыв глаза, я глубоко вздохнул, потом медленно выдохнул.

Сосчитал до десяти. Пока считал, по затылку локтем мне довольно ощутимо попало три раза. Снова глубоко вздохнул, подышал по схеме 4-7-8.

Спокойствие, только спокойствие. Я чужой, в чужом мире. У меня с собой приличная сумма денег и некоторые вещи не из этого мира, которые, если привлекут внимание, могут вызвать вопросы. Например, в подошве, в тайнике, несколько камешков на сотню тысяч рублей. Обнаружат – будет неприятно.

Совсем сильно, впрочем, по этому поводу я не переживал. Здесь, в две тысячи двадцать третьем году не было Соединенных Штатов Америки, так что международный терро-

ризм никто не экспортировал. И безопасность полетов, как и уровень досмотров, находились в удивительно непривычном для меня – по опыту иной реальности, состоянии.

При посадке в аэропорту на первый свой международный рейс в этом мире я еще подумал, что мог легко не только провезти с собой несколько бриллиантов, но и, наверное, оружие, причем безо всяких проблем. Нам сегодня даже завтрак подавали с нормальными металлическими приборами, что в моем старом мире и представить невозможно.

Кроме того, не хочу лишний раз паспорт показывать. Нет, паспорт получен легально, но вот новым человеком, приобретая непрожитые здесь двадцать лет, я становился с помощью мутной схемы в Узбекистане, это отдельная история. Так что не хочется лишний раз в поле зрения учетных систем показываться пока, особенно с перспективой административку получить за неподобающее поведение.

Параллельно этим мыслям наглый мажор еще пару раз специально ткнул мне локтем в голову. Я уже прекрасно понимаю, что он от меня ждет. Если обернусь, снова вежливо попросив убрать руку, студент спровоцирует всю свою компанию, попробовав сделать меня объектом коллективных насмешек – чтобы самому на первый план не выходить, сразу исчезнуть из фокуса внимания. Знаю я такую породу очень хорошо: он просто сразу не сориентировался, а сейчас наверняка уже продумал как действовать.

В прошлой своей жизни – до тринадцати лет, когда мой

отец неожиданно умер в СИЗО, я жил в Лондоне и учился в британской частной школе, так что прекрасно представляю, как залезть другим под кожу. Но потом, после смерти отца, я переехал к бабушке в Санкт-Петербург и доучивался уже в обычной общеобразовательной школе в Купчино. Так что отлично умею подобному противодействовать вне рамок принятых стандартов. Всесторонне развит, так сказать, в самых разных аспектах искусства многоуровневой дипломатии.

«У каждого из нас есть хороший план, но ровно до момента удара в зубы», – как говаривал старина Майк Тайсон.

Мажор между тем в очередной весьма ощутимо ткнул мне в голову локтем. Обиделся, похоже. Раз в МГИМО учится, значит неглупый. Скорее всего, догадался и про мой намек на цифровое звучание смеха девушек, и про то, что они догадались, что я имел в виду. Определенно теперь яро реванша жаждет. Я еще раз вздохнул и прикрыл глаза, стараясь не обращать внимания на лохматого сердцеда, который уже чуть ли не навалился на меня, сознательно провоцируя.

«Нет-нет-нет, только не сейчас, не надо!» – мысленно взмолился я, чувствуя накатывающую волну абсолютного холода.

Вывести из себя студент меня все же сумел.

Вот только вспышки раздражения он не дождался. Потому что я, мягко говоря, немного отличаюсь от других людей. А если откровенно, то у меня присутствуют «психические

отклонения от нормы»: в моменты, когда напряжение превышает условно-допустимые пределы, у меня словно тумблер перещелкивается.

К примеру, во время серьезной опасности на меня всегда накатывает практически абсолютное, ледяное спокойствие. Перед этим я могу серьезно нервничать, переживать и мандражировать, даже дрожать от страха. Но когда началось, все – никаких посторонних мыслей, мгновенная реакция и необычайная легкость в теле. Сейчас опасности никакой не было, но реакция оказалось схожей – подспудно копящееся раздражение словно перехлестнуло через край, трансформировавшись в холодную ярость при внешне абсолютном спокойствии.

Если опустить руки в снег и подержать, холод может начать обжигать. Вот и я сейчас оказался в состоянии ледяного осколка, который может вполне себе зажечь. Вернее, прямо нацеленным на это: возможность административного разбирательства и неудобных вопросов отошла далеко на третьи планы.

«Самурай с целью подобен самураю без цели, но только с целью», – услужливо подсказал внутренний голос.

Посадочные рукава наконец подкатили, и стюардесса с усилием открыла дверь. Уже находящиеся на ногах пассажиры единой массой качнулись вперед к выходу. Донимавший меня лохматый мажор тоже двинулся по проходу, обернувшись и что-то говоря взиравшим на него с «обожанием»

спутницам. В этот самый момент, поднявшись одним слитным движением, я и встал в проходе, возникнув перед ним как из телепорта. Очень неудачно для него: студент врезался в мое плечо несильно, но неудачно – на полуслове, с открытым ртом, который захлопнулся с громким чавканьем и так, что аж зубы звучно лязгнули.

– Воу-воу, аккуратней, пожалуйста, – с претензией попросил я, открывая багажную полку со своим рюкзаком.

Лохматый студент откровенно удивился – почувствовав себя пострадавшим, подобной наглости он явно не ожидал.

Я вдруг ощутил на себе чужой взгляд. Очень отчетливо ощутил, так что не удержался и сделал шаг в сторону, чтобы шевелюра озадаченного сердцееда не заслоняла обзор.

Смотрела на меня юная девушка из компании молодежи. При посадке я ее отдельно отметил; причем обратил внимание потому, что она почти единственная из остальной тусовки вела себя тихо. Но лицо тогда не рассмотрел – помешал накинутый капюшон плотной толстовки. Сейчас же капюшон девушка сняла и стояла в соседнем проходе между кресел, внимательно глядя на меня.

Удивительно красива. Темноволосая, кожа чуть смуглая или загорелая, из-за чего ярче выделяются огромные голубые глаза. Очень она похожа на актрису Меган Фокс в молодости, так как она выглядит в фильме «Трансформеры». Только над Меган трудилась команда стилистов и визажистов, а эта девушка выглядит как с картинки, едва встав

с кресла после ночного перелета.

– Чего смотришь? – беззвучно спросила у меня черноволосая красавица, недружелюбно глядя.

То, что она сказала «смотришь», я по губам прочитал, а вот насчет слова «чего» не совсем уверен. Похоже, что там было нечто похожее по смыслу, но грубее – созвучно с испанским именем Хулио.

Забавно. Сходство девушки с Меган Фокс усилилось: я слышал, что эта американская актриса не отличалась вежливостью, тактом и куртуазностью в общении, скорее даже совсем наоборот.

Подмигнув юной черноволосой красавице, не глядя взялся за ручку своего рюкзака на багажной полке. Потянул на себя – так, что пальцы «случайно» соскользнули. Еще раз потянул, и снова пальцы ухватили воздух. Негромко выругавшись и игнорируя возмущенные комментарии лохматого мажора, я наконец взгляд от красавицы отвел, третий раз взялся за ручку рюкзака и наконец его вытащил с полки. Дернул только слишком сильно, не удержал – рюкзак полетел вниз.

Дальше все произошло в один момент. Рюкзак я «случайно уронил» так, что он упал прямо под ноги мажору-сердцееду. Тот машинально наклонился, глядя вниз, а я в этот момент наклонился в попытке поймать рюкзак. Ну и в результате общего поступательного движения вперед наши головы встретились.

Звук удара раздался такой, словно двумя деревянными колотушками друг об друга ударили. Я был готов, да и сам в общем-то бил целенаправленно; а вот для лохматого мажора произошедшее стало сюрпризом. Взвизгнув от неожиданности и боли, он отшатнулся и, запнувшись каблуком, упал назад, на руки двух блондинок, роняя при этом очки. Стало заметно, как из глаз у него брызнули крупные слезы.

– Товарищ, ну аккуратнее же надо! – показательно морщась и держась за лоб, сообщил я обескураженному студенту. – Что ж вы так на людей кидаетесь!

Упавшего мажора обступили озабоченные произошедшим спутники, ну а я под шумок сделал пару шагов назад, успев заметить при этом внимательный взгляд темноволосой девушки. Смотрела она на меня сейчас изучающе и, судя по взгляду, явно догадывалась, что роговые очки и их лохматый обладатель разлетелись сейчас по полу в разные стороны совсем не случайно.

Я еще раз ей подмигнул, после чего подхватил рюкзак и направился к выходу, оставляя за спиной хлопчущую вокруг постанывающего пострадавшего большую компанию. Холодная ярость отступила как не было, оставив чувство огромного облегчения. Не от того, что ответил на провокацию, а от того, что не убил никого: говорил ведь уже, что у меня с головой не все в порядке?

«По словам пациента, в результате влияния демонической сущности (на свою душу?), в моменты высокого психоэмо-

ционального напряжения он склонен к девиантному поведению», – наверное так могли бы написать в истории болезни, если бы я врачам сдался. Но сдаваться врачам я пока не собирался.

Рано еще.

Спускаясь с трапа и уже вернувшись в обычное состояние, слегка пожалел о содеянном. Хорошо было бы остановиться, когда у лохматого друга челюсть лязгнула, а я явно переперчил. Но переживал недолго – что сделано, то сделано, фарш обратно не провернешь.

В аэропорту, чтобы не маячить у ленты багажа – вдруг, когда лохматый мажор в себя придет, он с боевым настроением реванша захочет, я отошел в магазин «Союзпечати» неподалеку. Вроде буднично принял этот факт, но чуть погодя все же оценил момент:

«Дружище, ты во Флориде, в магазине Союзпечать!» – подсказал мне внутренний голос.

Да, за полгода в новом мире я на такие отличительные признаки уже почти не обращаю внимания. Но иногда меня все же перестегивает осознанием крайне непривычной реальности. Вот прямо до полного, так сказать, изумления.

В магазине прошел мимо стоек с газетами и направился к рядам книг, намереваясь просто поглазеть, убивая время. Но неожиданно на стойке с исторической публицистикой увидел зацепившее взгляд название: «Уроки Географии». Вытянув книгу с полки, прочитал первые предложения ан-

нотации: «География всегда покажет то, о чем умалчивает История, а географические карты всегда расскажут о будущих войнах...»

Краем глаза отметил, что выбиравший на соседнем стеллаже утренние газеты пожилой благообразный старичок внимательно ко мне присматривается. Причем совершенно не скрывая этого: повернулся и смотрит над сдвинутыми вниз по носу очками прямо на меня. На самого настоящего каноничного профессора похож, кстати.

Не обращая внимания на столь пристальный взгляд, я открыл и бегло пролистал книгу, миновав разделы по истории мировых войн и остановившись на развернутой карте современного мира с отображением трех основных военно-политических блоков. Постоял, полистал еще немного. Но сразу решил – книгу беру: это просто праздник какой-то, настоящий кладезь знаний.

Интернет в этом мире был, но он, во-первых, с входом по паспорту (вне зависимости от страны проживания). Во-вторых, количество просветительских сайтов ограничено и контролировалось государством. К тому же, если товарищ майор бдит, не хотелось бы мне пока привлекать его внимание.

Кроме того, утренние газеты здесь, в этой реальности, совсем не ушли в прошлое, а черпать новости только в сети здесь еще не стало мейнстримом. Более того: людей сознательно выдергивали из сети за знаниями и общением в ре-

альный мир, здесь это явно было политическим решением. Для меня, видевшего другую модель социума, подобное выглядело очевидным. А те, кто другой реальности не видел, сравнить не могли, поэтому в большинстве происходящее не замечали.

Я еще раз перелистнул страницы на привлекающую мое внимание карту. Если с материалами по истории проблем не было, то полной и актуальной публицистики я до этого момента не находил. Здесь же, в этой книге, самая настоящая компиляция тех знаний, что я по крупицам собирал, пытаюсь понять местные расклады в геополитике.

– Hello. How much is this book? – обратился я к чернокожей продавщице за кассой.

– Пять пизят. Три тридцать, если по студенческому.

– Нет, студенческого нет, – покачал я головой, доставая пятирублевку и выбирая из кармана мелочь.

– Пакетик нужен?

– Не-не, спасибо.

Я во Флориде, но я сейчас в Народной Республике Флориде – как-то не свикнуться мне с этим фактом. Да и вообще никак не привыкнуть к обложкам моих новых паспортов. Если на общегражданском российском привычный двуглавый орел, то на загранпаспорте – серп и молот со звездой.

«...а на фуражке на моей серп и молот и звезда», – мысли словно триггером запустили воспоминания, сформировавшиеся в голос Егора Летова.

– Все? – поинтересовалась дородная продавщица.

– И все идет по плану, – кивнув, едва слышно пропел я себе под нос.

– Что-что? Куда идет?

– Это я сам с собой, не обращайтесь внимания, спасибо.

Попрощавшись с продавщицей и оставив ей все же выданный к книге бесплатный пакет, направился к выходу.

– Юноша! Юноша, постойте! – послышался позади голос.

Обернулся – тот самый благообразный старичок-профессор, который так внимательно смотрел на меня, когда я книгу выбирал. Он ускорил шаг и подошел, перехватив меня на выходе. Смотрел он, все также наклонив вниз подбородок, глядя на меня поверх очков.

Самый настоящий профессорский взгляд. Ростом он пониже меня и подбородок почти в грудь уперт, но все равно смотрит из-под густых седых бровей таким образом, что ощущение взгляда сверху-вниз.

Очки, кстати, выглядят дорого. Но вот дужки сзади стянуты простой резинкой, как от трусов. Хотя, вполне может резинка от трусов и есть – судя по виду, этот профессор мало заботится о внешнем виде, явно все больше витая в облаках размышлений о старых и новых знаниях.

– Молодой человек, простите мою бестактность, но разрешите украсть у вас минуту парой вопросов?

Я открыл было рот ответить, но моего ответа профессор, похоже, даже и не ждал.

– Скажите, пожалуйста, а сколько вам лет?

– Двадцать один.

«Скоро двадцать два уже», – это мысленно, про себя.

– Двадцать один... а еще раз простите великодушно, вы эту книгу кому-то в подарок купили?

– Нет, для себя.

– Для себя? Вы ее читать собираетесь?

На этот вопрос я даже не сразу нашелся, что ответить.

– Я в том смысле, что не на полку поставить для красоты?

– Да, читать, – недоуменно кивнул я.

– Вам это интересно?

– Да.

– Вам интересна География и История?

– Да.

– Удивительно! – распахнул глаза благообразный профессор. – Просто удивительно! Молодой человек, еще вопрос, последний. Скажите, а вы даже может быть даже слышали что-то про Жукова?

– Жуков? Конечно, слышал. Сергей Жуков, поэт-песенник, кто же его не знает! – не удержался я. – Или вы про хоккеиста спрашиваете?

Старичок-профессор приоткрыл было рот, но я снова его перебил.

– Или вы, может, Георгия Жукова имели в виду?

Судя по взгляду, благообразный дядечка догадался, что предыдущими вариантами я, как бы сказали в моем ми-

ре, его потроллил. В этом мире такого понятия (еще) не было, а явление называлось легкой социальной провокацией. И, похоже, профессор обиделся.

– Если вы про Маршала Советского Союза, то я не только про Жукова слышал. Я и про Рокоссовского слышал, и про Черняховского, и про Маргелова, и даже, представляете, про Тухачевского с Уборевичем.

В глазах профессора что-то мелькнуло. Похоже, он понял, что я не хотел его обидеть, а так резко отреагировал на его пренебрежительный тон вопроса.

В этот момент раздался голос диктора, объявляющий о прибытии из Анкориджа рейса авиакомпании Северный Ветер. С географией нового мира, в отличие от геополитики, я давно ознакомился, благо карты мира в свободном доступе. И знал, что Анкоридж сейчас – столица Автономной области Аляска в составе Российской Федерации. Видимо, именно этот рейс и ожидал благообразный профессор, сейчас внимательно прислушивающийся к объявлению.

– Спасибо, молодой человек. Большое вам спасибо, – едва голос диктора смолк, как собеседник протянул мне руку для рукопожатия.

– Всегда рад, – кивнул я, и мы с благообразным профессором разошлись по разным сторонам. Он пошел встречать рейс из Анкориджа, ну а я – начинать наконец готовиться к тому, что подготовить этот мир встречать меня.

Полгода уже целых прошло, времени все меньше и мень-

ше.

Впрочем, я думал, что у меня в запасе еще есть несколько лет. Как оказалось, я ошибался – у меня оставалось всего несколько дней.

Глава 2

Багаж еще задерживался, так что я заметил укромный уголок, куда и отошел с книгой. Магазин «Союзпечати» во Флориде – это конечно удивительно, но когда видишь полную картину такого удивительного знакомого и в то же время столь чужого мира, поражаешься гораздо больше. Впервые в этом мире я наконец увидел полную картину настоящего (и будущего) военно-политического противостояния.

Местная политическая картина сильно отличалась от той, к которой я привык в прошлой жизни. Но особенно сильно отличалась картина противостояния военно-политических блоков, которых в этом мире на две тысячи двадцать третий годы было три: Советский Союз, Трансатлантический альянс и Британское содружество.

Закусив губу от неожиданности столь полных знаний, я смотрел на карту. Все полученные ранее знания об истории и географии складывались в цельный образ. Я сейчас чувствовал себя человеком, который искал в темной комнате кошку, а нашел выключатель, и комната перестала быть темной.

Этот мир отдельными картинками неувлимо похож на привычный мне, но в то же время отличался до крайности. Неудивительно: Третья мировая война здесь случилась в августе сорок девятого года. Окончательным поводом, как по-

нимаю, послужили сведения об успешных испытаниях советской атомной бомбы.

В четыре часа утра, как водится, бомбардировщики Военно-воздушных сил Соединенных Штатов Америки пересекли границу Советского Союза и подвергли Москву ядерной бомбардировке.

Я был в Кремле, около месяца назад – сгонял посмотреть Москву на знаменитой Красной стреле. Выглядит Кремль так же, как я его и помню. Вернее, почти как я его помню: Кремлевский проезд, Собор Василия Блаженного, памятник Минину и Пожарскому, здание ГУМа, Васильевский спуск, башни Кремля со звездами – все прежнее, глаз не находит никаких отличий. Кроме одного, самого главного: Мавзолея больше нет.

Какая ирония – в Российской Федерации моего мира Мавзолеей есть, а в Российской Федерации этого века, которая является стержнеобразующим государством Советского Союза образца двадцать первого века – нет. Но за этой иронией скрывалась страшная трагедия: район Красной площади восстанавливали даже не так, как Петродворец после ухода немцев и американцев, а восстанавливали практически с нуля, из состояния выжженной и покрытой радиоактивным пеплом поляны.

Но если крепостные стены и башни, соборы и дворцы можно поставить заново, то вот тело Ленина, испарившееся во вспышке ядерного взрыва, восстановить оказалось

затруднительно. Полагаю, советские ученые-генетики, которые к двадцать третьему году третьего тысячелетия достигли самых настоящих чудес в освоении науки, могли бы создать клона, если бы правительство поставило задачу. Но такую задачу, к сожалению, или к счастью, им не ставили.

Глядя на красные территории по всей карте мира, я смотрел на карту через ретроспективу Третьей мировой: после ядерной бомбардировки Москвы Советский Союз был атакован сразу с нескольких сторон – как плацдармы для нападения использовались территории Западной Германии, Финляндии, Швеции и Японии.

Ленинград снова оказался в блокаде – только теперь вокруг города вместе с финнами стояли не немцы, а американский Корпус морской пехоты. С территории Швеции и Финляндии, через Литву в Союз вторгся британский экспедиционный корпус, вместе с Армией Крайовой молниеносным броском захватив Варшаву – отрезая от путей снабжения Группу советских войск в Германии, на которую одновременно было начато наступление с американской и британской зон оккупаций. Одновременно с этим Япония объявила войну Советскому Союзу, после ядерных бомбардировок американцами Дальнего Востока, высадив десанты на Сахалине, во Владивостоке и Хабаровске.

В общем, ситуация сложилась, очень мягко сказать, крайне непростая. В многочисленных официальных источниках, с которыми мне удалось ознакомиться, максимально широ-

ко озвучивалась точка зрения, что только немецкий солдат мог хорошо, в плане стойкости, воевать с советской армией. Судя по дальнейшим событиям, точка зрения эта оказалась недалеко от истины – наземное вторжение в СССР, несмотря на тяжелый удар с потерей столицы, откровенно не удалось.

Через год блокады Корпус Морской пехоты США вокруг Ленинграда там и остался, навсегда. Прорыв блокады случился в августе, и Петроград теперь по традиции два раза в год меняет название на Ленинград – летом на три дня, и зимой в январе – в память о первом прорыве блокады во время Второй мировой.

Группа Советских войск в Германии, вместо того чтобы капитулировать, выдержала удар и перешла в наступление – действуя вместе с созданной в этом мире намного раньше германской армией. Только в этом мире называлась она не Фольксарме, Народная армия, а Volksbefreiungsarmee, Народно-освободительная армия. НОАГ, если по-русски.

Объединившиеся с советами, восточные немцы, еще не успевшие научиться безропотно сглатывать унижительный позор поражения, захватили западные зоны оккупации, объединяя Германию на сорок лет раньше. Сразу после этого Великобритания получила неиллюзорную опасность ядерной бомбардировки Лондона – в Токио советские летчики к пятидесятому году уже прилетали, превратив в выжженную ядерную пустошь самую населенную часть страны, токийскую городскую агломерацию.

Советский Союз не сломался после внезапного сокрушительного удара и, умывшись кровью, с трудом поднимался, готовясь размахнуться для удара ответного. Но через год начавшейся Третьей мировой войны перспективы победы все равно казались довольно туманными – истощенные Второй мировой Союз и побежденная Германия (тогда больше территория, а не страна), на которую теперь опирались Советы, не обладали бесконечным запасом прочности. Особенно учитывая превращенные в выжженные пустоши столицы и многие индустриальные центры.

В этот критический для всех момент, не дожидаясь перелома в войне, каким бы он ни был, совершенно неожиданно выступили британцы. В который раз традиционно подтверждая, что гораздо опаснее иметь Британию в союзниках, чем в противниках: британская корона заключила сепаратный мир с Советским Союзом, объединенной Германией и Коммунистической партией Китая, которая к пятидесятому году наконец вышвырнула Гоминьдан из материковой части страны и была готова вступить в мировую войну.

С восемнадцатого по двадцать первое августа пятидесятого года советские бомбардировщики с ядерными боеголовками на борту вылетали с аэродромов Исландии и Канады, направляясь к Восточному побережью Северной Америки. Бостон, Вашингтон, Нью-Йорк, Филадельфия, Балтимор, Детройт и Чикаго были стерты с лица земли ядерными ударами. После этого части 1-й Краснознаменной армии

высадились на Аляске, а британцы аннексировали западное побережье Соединенных Штатов, дойдя до границы с Мексикой в Калифорнии.

Народно-освободительная армия Китая, в это время избавленная от сдерживающего фактора в виде исходящей опасности от США и подготовленных британских (индийских) дивизий в Бирме, захватила Тайвань. Я немного знал историю своего мира и помнил, что именно эти дивизии стали тем фактором, которые в моем мире, одним фактом своего наличия, помогли Индии выйти из-под прямого подчинения британской короне. В этой же реальности они вступили в дело – принимая участие в аннексии Японии. Что больше являлось уже актом не войны с США, а элементом борьбы за саму Индию, в ходе которой Корона трансформировала свою Империю с Содружеством. Индийцы, потерпевшие за время Второй мировой несколько чувствительных поражений от Японии, в этой реальности без своей войны не остались и довольно сильно выступили на Тихоокеанском фронте, при этом оставшись в составе нового британского союза.

Осенью пятидесятого года, пока превращенные в ядерный пепел крупные индустриальные города США понемногу остывали, дивизии 20-й гвардейской ударной армии высадились во Флориде, а германский экспедиционный корпус занял все выжженное бомбардировками восточное побережье Соединенных штатов. Немцы в этой реальности отыгрались и вернули долги американцам, которые во время и после

Второй мировой вели себя на территории Германии как самые настоящие варвары, беззастенчиво пользуясь статусом победителей.

В общем, Третья мировая война здесь продолжалась чуть более двух лет, но неузнаваемо изменила весь мир. Больше всех выиграла Франция: за десять лет, в которые уместились две мировые войны, умело отсидевшаяся в стороне Четвертая республика получила едва ли не самые большие дивиденды. Французы сохранили собственную колониальную империю и постепенно создали вокруг себя Трансатлантический альянс. Примерно то же самое, что сделали в мое время американцы с НАТО, только в меньшем масштабе.

Кроме того, в отличие от американцев, французы вне своих границ не вели себя как слон в посудной лавке, превращая мир в огромную Либерию. Которая что в этом мире, что в моем старом является территорией настоящей свободы и одним из самых темных пятен на карте. Французы, образно говоря, не разрывали в клочья булки, чтобы выковырять из них изюм, как это постоянно делали американцы.

Британцы, как и во время Второй мировой, прошли по самому краю – пусть и трансформировавшись в Содружество, но не только сохранив главную жемчужину короны – Индию, за счет вступления той в войну на Тихоокеанском фронте, но и приумножили зоны влияния за счет раздела США на оккупационные зоны.

Я помню, что в моем мире Рузвельт заявил Черчиллю:

«У вас больше никогда не будет империи». Англичане это хорошо запомнили. В моем мире они тоже целенаправленно под американцев копали, но не так активно – опасаясь ядерной войны. В этом же варианте реальности, когда начали подниматься ядерные грибы, британцы отыгрались на полную, в финале пиная упавшего американского кузена до талого. И с полным, так скажем, остервенением.

Но самые, конечно, значимые для меня изменения произошли в России.

Ядерная бомбардировка уничтожила Москву, практически стерев город с лица земли. Вместе со всем партийным руководством – во вспышке ядерного взрыва, погиб и товарищ Сталин. Вот только уничтожение Москвы кардинально изменило политический путь страны: вместо линии партийного соперничества Берия – Маленков – Хрущев к власти пришел широко известный в узких кругах ленинградский обком.

Моя бабушка по матери – коренная ленинградка. И она рассказывала мне про известные ей обстоятельства Ленинградского дела, которое не прошло и мимо ее семьи. Так что я примерно представлял, кто именно взял власть в стране.

После уничтожения Москвы в дело вступили люди из кузницы кадров Кузнецова – первого секретаря Ленинградского обкома, который после Победы сорок пятого года усадил своих ставленников на множество должностей по всей России. И который предложил учредить русскую коммуни-

стическую партию, а Ленинград сделать столицей РСФСР, что его в итоге и сгубило.

В сорок девятом году, когда американские бомбардировщики под покровом ночи летели на Москву, Кузнецов уже сидел. Но основные аресты в моем мире проходили осенью, да и смертную казнь ради ленинградцев еще не вернули. Американцы ударили раньше – и большинство людей Кузнецова, как и он сам после расстрелянных или отправленных за решетку, на тот момент еще оставались на своих местах. И эти люди, уже выигравшие одну Отечественную войну, взяли власть в стране в свои руки и выиграли еще одну.

Впрочем, без референдума о сохранении СССР здесь, как и в моем мире, не обошлось. Происходил он в восемьдесят пятом году, голосование показало желание граждан СССР сохранить, вот только закончился референдум чередой локальных конфликтов по всей границе красной империи – девяностые здесь тоже слабо удались, проклятое время, похоже.

В результате, как и в моем мире, правопреемником СССР стала РСФСР, Российская Федерация – только став президентской республикой, а не президентско-парламентской, как в моем мире. И произошло это не так катастрофично, как это было в моем мире. Более того, в результате турбулентности девяностых, в ответ на активно начавшееся расширение французского Трансатлантического Альянса, Советский Союз сохранился в виде военно-политического бло-

ка, объединяющего огромное количество государств по всему миру.

Штаб-квартира Советского Союза находилась в Москве, и, когда я прибыл в этот мир, очень долго думал, что же мне вся эта система напоминает. Потом понял – тот же блок НАТО, только в профиль.

В моем мире советский военно-политический блок назывался странами Варшавского договора, но в этом мире Варшава находилась в зоне влияния англичан, как столица Речи Посполитой. Несмотря на потерянную (в очередной раз) Польшу, русские здесь проецируют свое влияние довольно широко, в числе прочего и на Латинскую Америку, где появились новые места силы.

В Петрограде и Москве за последние два месяца я видел очень много кубинцев и кубинских заведений, представленных довольно широко – от многочисленных кафе и лавок с сигарами, до толп курсантов с кубинскими флагами на рукавах.

Кубинцы и в моем мире жару давали, настегав по щам американцам и воюя в той же Анголе вместе с советскими военными советниками; Ангола, кстати, на политической карте влияния здесь тоже в красный цвет окрашена, являясь частью Советского Союза. Куба же, не задавленная санкциями огромного соседа, стала жандармом в регионе и вообще вошла в состав Российской Федерации на правах широкой автономии. Не как Флорида и Аляска, которые в этом мире

стали новыми русскими территориями безоговорочно.

Глядя на границы нового мира, я вдруг заинтересовался, как нас здесь в быту называют оппоненты. Будет весьма забавно, если что-нибудь про красное. Красная угроза, например. Стоило об этом подумать, как в голове сразу же зазвучали слова песни про советского медведя под аккомпанемент марша из игры «Red Alert».

В этом мире медведь все же вышел на охоту. Правда, как обычно после того, как выбора не оставалось. Причем в этот раз ему в берлогу не просто копьём ткнули или выстрелили, а бросили гранату – самую мощную в истории. И ответ оказался соразмерный.

Сейчас, глядя на карту, я думал о том, что фраза в аннотации книги: «географические карты всегда расскажут о будущих войнах» вполне соответствует действительности. Глядя на точки соприкосновения трех военно-политических блоков, я понимал, что ключевых места противостояния сейчас – Африка и Северная Америка.

Северная Америка, разделенная на протектораты, международные территории и несколько государств, место относительно спокойное. Нефть здесь чистая и легкая, сланцевую добычу уже освоили. Газа огромное количество – даже в моем мире США газа добывали больше, чем в России, ну а здесь сама ситуация велела. Большинство газовых месторождений контролировали или британцы, или немцы, которые хорошо поучаствовали в разделе материка.

Как в моем мире сбор трофеев сначала после падения Российской Империи, а потом Советского Союза обеспечил Европе много лет благоденствия, так произошло и здесь – только делили трофеи после раздела США.

Судя по отзвуку новостей, в европейских протекторатах трофеи после краха США делились относительно спокойно, по цивилизованному. Чтобы, как понимаю, интересы уважаемых людей не беспокоить. За исключением нескольких отдельных территорий, находящихся вне юрисдикции ООН, живут на материке вполне достойно. Штаб-квартира ООН, кстати, тоже ирония, в этом мире находится также в Нью-Йорке, который в этом мире официально называется «Зона Нью-Йорк» и является международной зоной контроля.

В отличие от условно спокойной Северной Америки, в Африке гораздо горячее. На черном континенте сходятся точки фокуса интереса и Британии, и Франции, и России, и там сейчас идет целый ряд тлеющих локальных конфликтов. Которые вполне могут вылиться во что-то большее. Или не смогут: из-за моего прибытия в этот мир, на фоне грядущих проблем, гибридные войны в Африке могут отойти даже не на второй план. Я ведь не просто так сюда пришел, за мной следом придут...

Мысль оборвалась на середине – периодически поднимая взгляд от карты я заметил, что на ленте наконец-то поехал багаж рейса из Петрограда и захлопнул книгу. Студентов из компании мажора видно не было, так что закинул книгу

в рюкзак и двинулся к выдаче. Подхватив с ленты свой чемодан – сдавал одним из последних, получаю первым, направился к выходу из аэропорта.

– Зина! Зинаида, ты просто не представляешь, чему я только что стал свидетелем! – на ходу услышал совсем неподалеку знакомый голос.

Замедлив шаг, словно невзначай обернулся, делая вид, что ручку чемодана поправляю. Ну да, знакомый благообразный профессор быстрым шагом идет навстречу аккуратной пожилой женщине.

– Зинаида, милочка, это не потерянное поколение! Не потерянное! Я только что встретил юношу, который купил мою книгу просто потому, что она ему интересна! Интересна, Зинаида, ты представляешь!

Надо же, автора встретил. Я.Г. Горбачев, вспомнил я мельком увиденную фамилию с инициалами на корешке обложки. Седовласый Я.Г. Горбачев уже подхватил у супруги сумку и, забрав чемодан, двинулся вместе с ней к выходу из аэропорта, в одну со мной сторону.

Я шел неподалеку и улыбался, слушая экспрессивную реакцию автора-профессора. Имя у его супруги еще такое непривычное – Зинаида, Зина, в моем мире редкое. В голове сразу же зазвучали строки похабной песни Сергея Шнурова «Зина» – никак не могу удержаться, почти каждую местную вещь соотношу с прошлой жизнью, за которую цепляюсь якорем привычных воспоминаний.

И под мысленный речитатив «дымит резина, кончает Зина» мне вдруг стало неприятно и за себя, и за свой мир. Ощущение, как будто завалился на чинный семейный праздник похмельный и помятый – несмотря на пекло войны, и пусть не до конца, но состоявшийся здесь развал Союза, люди тут сумели сохранить себя в приличном состоянии. И юмор, например, здесь заключается в умении шутить, а не в умении разбавить монолог неожиданным грязным ругательством или сортирным юмором.

Когда меня здесь будут спрашивать о моем старом мире, я, наверное, на большинство вопросов буду отмалчиваться с загадочной улыбкой, как у Алисы Селезневой. Она ведь прибыла к советским школьникам из будущего со знанием о страшных событиях, и явно видела некоторое дерьмо, по результатам которых двадцатый век был назван «тихим и спокойным».

Вот и я тоже, наверное, не найду в себе сил рассказать о многих вещах, до которых мы докатились там, у себя. А вот об остальном, как и об обстоятельствах моего сюда прибытия, мне рассказывать будет нужно, причем без вариантов – с такими мыслями я и сел в подъехавшее в порядке очереди к выходу такси.

– Добрый день, куда едем? – на русском, но с заметным акцентом, поприветствовал меня таксист-латиноамериканец.

– В гостиницу, желательно не очень дорогую, но более-менее приличную.

– Как скажете, – кивнул таксист, выруливая со стоянки аэропорта. – Из Петрограда, утренний рейс? Отдыхать к нам? В Петрограде сейчас холодно, у-у-у, – таксист картинно поежился. – Я был в Петрограде, по профсоюзной путевке, в санатории в Сестрорецке, в августе. Мы ездили на экскурсию к шалашу Ленина, а на улице шел дождь и было плюс восемь градусов, плюс восемь, Дева Мария! Август месяц...

«В Питере и в августе, и в декабре плюс восемь в порядке вещей», – подумалось мне. Таксист между тем от избытка чувств перешел на испанский, активной жестикуляцией сопровождая непере译имую игру слов. Но чуть погода снова перешел на русский:

– Богом клянусь, думал, я там и останусь, как американцы под Петроградом! Очень, очень холодно. Сейчас в марте месяце даже не представляю, что у вас там сейчас творится!

– Мы улетали было минус семь и шел снег с ледяным дождем.

– Ужас! Ужас! Это же нечеловеческий холод! – экспрессивно вскидывая руки, таксист снова перешел на испанский.

– Да, у нас три месяца холодно, а остальные девять очень холодно, – сказал я для поддержания беседы. Таксист сначала не понял, а потом как понял и громко засмеялся.

– Так вы сюда отдыхать, или по работе, учебе?

– Совместить, – ответил я обтекаемо. Но подумав немного, добавил. – Хочу машину взять и с Востока на Запад проехать. По следам старой Америки: Красный пояс, Техас, Ка-

лифорния.

Хорошо, что не промолчал. Таксист оказался просто находкой – и когда мы доехали до отеля, к которому он меня привез, я из машины не вышел. Дал ему двадцатку сверху, и он еще минут пятнадцать вываливал на меня просто массивы полезной информации, которую без интернета в привычном виде просто так здесь не получишь.

Когда я узнал все, что мне было нужно, попрощался с таксистом и пошел заселяться. Гостиница, как и просил, оказалась недорогая и приличная, видимо, пользующаяся популярностью у командировочных. Оплатив номер на сутки, я поднялся и быстро принял душ, смывая с себя усталость после перелета. Глядя в отражении в зеркало, задумался.

– Здравствуйте. Меня зовут Максим...

На этом фантазия заканчивалась. Сколько раз я пытался потренироваться, но так и не понял, что именно мне нужно говорить, чтобы не выглядеть ненормальным.

– Здравствуйте, меня зовут Максим, – вновь сказал я и продолжил деловым тоном. – Я прибыл во Флориду сообщить о том, что здесь в скором времени должен открыться первый портал, откуда хлынут готовые захватить этот мир искусственно созданные мутанты и разная демоническая нечисть.

Как прелестно звучит. Да, отличная подача, прямо представляю всеобщую готовность мне поверить и принять мои слова всерьез. Взъерошив мокрые волосы, я хмыкнул и по-

шел одеваться – сегодня еще много дел.

Предыдущие полгода, пока я легализовался, получал паспорт и проходил обязательные военные сборы – были лишь подготовкой к этому моменту. К тому, чтобы освоиться в этом мире и попробовать найти возможность получить нужные знакомства, после чего заставить людей меня выслушать. Выслушать, и потом не уехать на лечение в психушку или куда похуже.

Не знаю, как я это реализую, но я это сделаю. Выбора у меня иного нет, не получится отсидеться в стороне – ведь демоны придут в этот мир по моему следу.

Глава 3

Я не считаю себя сильно умным человеком. Я, наверное, как хороший журналист – среагировав на любую тему, могу ненадолго и не слишком глубоко стать похожим на профессионала. И еще вовремя с темы уйти, чтобы избежать возможного разоблачения.

Единственное, что научился делать очень хорошо за свой двадцать один прожитый год – убивать нечисть. Правда, умение это пока применять мне негде.

В остальном я всесторонне недоразвитый дилетант, как в шутку охарактеризовала меня в прошлой жизни одна моя хорошая подруга. Но даже не будучи сильно умным и мудрым, я прекрасно понимаю, что постучаться к представителям власти и заявить, что в ближайшее время откроются ведущие из иного мира порталы и из них хлынет демоническая нечисть – не совсем приемлемый вариант.

Да, у меня есть чуждые этому миру два смартфона, паспорт гражданина неизвестной здесь Российской Федерации, водительские права, электронная книга, золото-драгоценности на очень внушительную сумму, личные вещи опять же – городской рюкзак, например, сделанный не в этом мире. Но вместе со всем этим, а также вместе с аргументами, я представляю совсем неиллюзорный для себя шанс залезть в небольшую изолированную камеру и начать отвечать

на заданные в резкой форме вопросы, а в будущем следить за вторжением по новостям из редко появляющихся газет. Если еще принесут эти газеты.

Есть, конечно, вариант, что мне сразу поверят и отреагируют как полагается по требованию ситуации, относясь ко мне доброжелательно и оставив личную свободу, но этот шанс представляется настолько мизерным, что похож на лотерею. А в лотереи я не играю.

В общем, мне сейчас нужны хорошие знакомства. С серьезными людьми, которые смогут меня выслушать и не отреагировать стандартно по протоколу – ведь ситуация нестандартная. Проще говоря, мне нужны самостоятельные во власти или обладающие влиянием люди, отнюдь не ответственные исполнители среднего и нижнего звена. Мне нужны те, кому я смогу показать доказательство своего иномирового происхождения и желательно сделать это в обстановке для меня благоприятной.

Где найти таких людей и завести с ними знакомства? Я много об этом думал.

Самый первый вариант, конечно, армия. Причем вариант самый верный – в России этого мира офицерский корпус составляет неотъемлемую часть элиты страны. Без службы в армии невозможно занимать важные государственные должности, но даже не в этом дело. Всеобщая воинская повинность приводит еще к тому, что в деловых кругах не служившему гораздо сложнее налаживать контакт; к примеру,

одним из первых вопросов при знакомстве, наряду с погодой, является вопрос: где служил, и где раз в два года проходишь обязательные трехнедельные военные сборы? Об этом мне рассказывал замполит, агитируя продолжить службу после курса молодого бойца, выдав направление на трехмесячные лейтенантские курсы офицерской школы.

Направление было действительно в течение двух лет, но в учебную часть сдаваться я пока не собирался. Во-первых, это все же для меня долго, а во-вторых, обязательный курс молодого бойца я проходил в арктической бригаде. И направление получил по профилю – в учебную часть в Киркенесе, который в этом мире после Третьей мировой стал частью Российской Федерации.

Я совсем не хотел возвращаться на север – меня за последний год напрочь заколебала стужа, причем стужа не только этого мира. Если бы я служил хотя бы в Туркестанском военном округе, или даже попал сюда, во Флориду... тогда бы еще подумал, причем крепко подумал.

В общем, оставив армейский способ на потом, как запасной, я сосредоточился на двух вариантах занятий из того, что немного умею. Первый – парусный спорт, второй – стрельба. Именно вращаясь в этой среде, в яхт-клубах и на стрельбищах, я собирался попытаться завести знакомства и попробовать уже начать делиться информацией о скором будущем этого мира.

В России проблем с парусным спортом не было, тем более

в Петрограде. Сезон, правда, начинался только ближе к майским праздникам. С огнестрельным оружием все было сложнее – чтобы получить лицензию на короткоствол и нарезное, нужно стать членом стрелкового клуба, пройти курс теоретических и практических занятий, в течение полугода посещать стрельбище не реже раза в месяц и получить рекомендацию. Под мои намерения – практически идеал, вот только проблема в том, что нужно было это делать по месту прописки, которая у меня аж в Узбекистане. Да, так получилось.

Поэтому, закончив с оформлением гражданства, я решил за границы России и вообще Союза выехать и направиться в Конфедеративные Штаты Америки. Вторая поправка там действует в полный рост, ну и с парусными клубами и соревнованиями, думаю, проблем не будет. К тому же в КША со всего Советского Союза идет плотный поток туристов, так что там можно будет встретить соотечественников, отвечающих заданным моей принятой миссии параметрам. Да и таксист недавно подкинул несколько хороших вариантов, о которых я раньше даже и не думал.

Приведя себя в порядок и бросив вещи в гостинице, я направился в салон автомобилей с пробегом. Походил по рядам, рассматривая ряды подержанных машин. Крайне интересное зрелище – автопром здесь, в двадцать третьем году третьего тысячелетия, заметно отличался от привычного мне. Меньше электроники, меньше почти одинаковых моделей, косметически обновляемых едва ли не каждый год

для удовлетворения потребительского инстинкта.

Привлекали взгляд более широкие и угловатые линии в дизайне – если в моем мире квадратный мерседес Гелендваген выделялся в потоке, цепляя взгляд рублеными очертаниями корпуса, то в этом мире наоборот – подобное внимание привлекали обтекаемые машины.

– Матерь божья! – воскликнул я, приостанавливаясь.

В самом конце ряда на меня посмотрел круглыми фарами форд Мустанг. Вернее, нечто похожее на форд Мустанг, года шестьдесят седьмого, наверное. Ну да, выглядит как машина героя из фильма «Поворот не туда». Цвет только не льди-сто-голубой, а более глубокий – цвет морской волны.

И еще это был не совсем Мустанг. На радиаторной решетке изображена не лошадь, а бегущая хищная кошка, надо же. Подойдя поближе, посмотрел на бумагу под лобовым стеклом. Машина называлась «Cougar», Кугуар. Отличия были, но в целом – все тот же Мустанг.

Год, кстати, не шестьдесят седьмой, а восемьдесят восьмой. Некоторые процессы здесь, из-за Третьей мировой, похоже, немного отставали. Прочитав информацию о машине, посмотрел цену – 11 383 рублей.

На объявлении стоял значок гарантии качества предпродажной проверки, но я все равно направленно обернулся к маячившему поодаль продавцу, который ненавязчиво за мной наблюдал краем глаза и сейчас сразу же подошел.

– До Анкориджа довезет?

Продавец даже не сразу нашелся, что ответить.

– До Москвы и обратно довезет, молодой человек! – после короткой паузы выдал он.

– Движок как у вашей Сони? – едва слышно произнес я. Не сдержался, вспомнив сцену из фильма Брат-2, со знаменитым «Мы, гусские, не обманываем дуг дуга».

Продавец моего комментария не услышал. Ну или сделал вид, что не услышал, заговорив дежурным тоном:

– Двигатель после капиталки, пробег всего две тысячи. Проблем нет, состояние – сел и поехал. Но эту машину я, если честно, не советовал бы, – вдруг дежурный тон превратился во вполне обычный, человеческий.

– Почему?

– Что Кугуар, что Ягуар – очень легко купить. Но очень сложно продать, – усмехнулся продавец. – Здесь движок кливленд на пять и восемь литров, механика четырехступенчатая. Бензин жрет как настоящая лошадь, странно, почему вообще Кугуаром назвали. Налог просто нереальный, я даже сумму говорить не буду, чтобы не пугать. Но вообще, конечно, здесь вопрос, зачем покупаете: если девушек катать от пляжа до кабаре, тогда вполне подойдет. Если же для повседневной езды, так лить нужно будет почти как в мой Урал армейский.

– Два солдата из спецназа вырубают роту сразу, а один водитель-дух вырубает этих двух, – улыбнулся я продавцу.

– О! – несмотря на наши разные миры, безошибочно по-

чувствовал тот родственную душу военного водителя. После пары дежурных шуток насчет яиц, мешающих взлететь, продавец продолжил рассказывать про Кугуара.

– В техническом плане машина – конфетка. Но если тебе нужно прокатиться по побережью и обратно, реально не советую. Возьми вон форд этот, например. Если по упрощенке оформим, его и продать легко будет без налога, а с этим кошачьим монстром намучаешься и деньги потеряешь. За него все равно налог платить придется, потому что нормы выхлопа прошлого века, и он как предмет роскоши числится, а не как средство передвижения.

В словах продавца резон был. За сумму вдвое меньшую можно взять двух-трехлетний седан. Но у меня не было проблем с деньгами, да и собирался я в городок Галфпорт, о котором узнал вчера у таксиста. Как оказалось, туристов из стран Союза привлекала туда не только рыбалка, но и, что совсем не афишировалось, многочисленные казино. Эдакий мини Лас-Вегас, живущий за счет туристов – не только из Флориды, но и из центральный областей материка, где обитало немало немцев. В общем, если учитывать ближайшие цели, то такая машина мне точно не помешает и лишней не будет.

– Короче, не стоит его брать, за такие деньги можно даже Волгу посмотреть двухлетнюю, в состоянии муха не сидела, – подытожил продавец.

– Уговорил. Беру, – кивнул я, похлопав по капоту Мустан-

га, замаскировавшегося под Кугуара.

Из Санкт-Петербурга выехал на следующее утро. Путь до Галфпорта составлял около тысячи километров, которые я решил не гнать, а спокойно проехать за два дня с ночевкой. Проехать неторопливо, глядя по сторонам и начиная привыкать к месту, где собрался теперь жить и готовиться к вторжению нечисти.

Покинув столичную агломерацию, некоторое время двигался вдоль побережья Мексиканского залива, после дороги от воды ушла. И если сначала вдоль дороги встречались пальмы и непривычные пихтовые, то через сотню километров пейзаж уже мало чем отличался от средней полосы России.

Обычная трасса, по сторонам зеленые поля или стена лиственного леса. Как будто из Питера куда-нибудь во Псков еду. Или из Москвы куда-нибудь в сторону Казани. Березок только нет, а так не отличишь.

Я не торопился и не гнал, наслаждался дорогой. Мимо проплывали указатели и небольшие городки: Галф-Хаммок, Оттер-Крик, Чифленд, а потом бац – указатель на Жданов, в сторону побережья. Пейзаж вокруг тоже не менялся, по-прежнему Россия средней полосы за окном.

Еще до полудня проехал через поселки Вознесенский, Салем (это здесь ведьмы живут, интересно?), Атену и остановился на... обед, второй завтрак? В общем, встал перекусить на большом перекрестке в Перри, заметив придорожный ре-

сторан. Пообедав и выехав с парковки, повернул в сторону Нового Орлеана, отметив, что в другую сторону синий указатель показывает на поселок Советский, до которого было 77 километров.

– Наш Советский, Союз покарает, Весь мир от Европы, Медведь на Восток! – не включая шипящее радио начал напевать я, под вновь заигравший в голове марш игры «Red Alert». Мелодия прилипла намертво, как язык зимой к забору детского садика и вот уже второй день никак не могу от нее избавиться.

– Над землей, везде будут петь: «Столица, водка, Советский медведь!»

Да что ж такое, как с этим бороться!?

Поля и зеленка скоро кончились, дорога вновь вернулась на побережье Мексиканского залива, и вдоль обочин потянулась типичная одноэтажная Америка. Ехал я вдоль залива, а не по федеральной трассе, что было бы гораздо быстрее и удобнее по скорости. Но мне именно поглазеть хотелось, как люди живут. Проехал за сегодняшний день всего пятьсот километров – вообще никуда не торопился.

На ночевку остановился в городе Панама, который проезжал по Новоорлеанскому шоссе А-98, он же «SUNwy 98» в местной двойной классификации, сохранившейся для удобства по всему матеруку.

Был я уже совсем недалеко от границы с КША, но переходить ее решил завтра, чтобы не осматриваться в соседнем

государстве на ночь глядя. На ночевку остановился в типичном придорожном отеле, двухэтажном здании в виде буквы «Г», оставив машину прямо под окнами номера.

Встал совсем рано, еще семи утра не было. Позавтракал неправославным гамбургером, прожаренной до состояния пластика яичницей-глазуньей и выпил весьма странную жидкость, которую в Америке, хоть старой из моего прошлого мира, хоть в местном советском ее штате, по какому-то недоразумению называют кофе.

На КПП границы никаких проблем не возникло. У Российской Федерации и КША при наземном пересечении границы через Флориду действовал безвизовый режим, так что, получив штамп в загранпаспорт с серпом и молотом, я покинул территорию Союза.

Здесь я намеревался, все также не выезжая континентальную скоростную магистраль I-10, и дальше ехать вдоль побережья не торопясь. Мне предстояло миновать сотню километров по земле штата Алабамы, после которой начинался штат Миссисипи. Именно в этом штате находился нужный мне город Галфпорт. Находящийся чуть дальше Новый Орлеан, на который я во время езды ориентировался по всем указателям, являлся уже частью штата Луизиана. Да, вот так – на побережье Мексиканского залива на участке в несколько сотен километров находились территории сразу трех штатов и советской республики.

К чему я: Луизиана – это что? Правильно, самая что ни на

есть земля Дикси.

Когда я об этом вспомнил, от меня сразу после отстала мелодия марша Красной Угрозы. Зато снова намертво прилипла другая, так что теперь я ехал и напевал знаменитый гимн конфедератов, в этом мире ставший официальным:

– I wish I was in Dixie, Hooray! Hooray!

Помнил я, правда, всего две строчки, но они у меня и заели:

– Look away! Look away! Look away! Dixie Land!

Так и рулил вдоль побережья, в теме тексту песни осматриваясь из окна на землю Дикси. Ну, что сказать... бедненько, но аккуратно. Все же Красный, религиозный пояс Америки, здесь в основном приличные люди прилично живут. И даже без (работающего в моем мире) денежного дождя от печатного станка, выглядит пейзаж за окном вполне прилично. На удивление – если честно, я ожидал, что будет хуже.

Но так симпатично все здесь, на Юге; как мне таксист рассказал на Севере, особенно на восточном побережье, ситуация в некоторых местах такая себе, если не сказать плачевная. Особенно в протекторатах территорий по линии Детройт-Чикаго-Миннеаполис. Настоящий фаллаут, как его фантасты рисовали: гетто на руинах городов, колючая проволока, резервации и районы, куда полиция или солдаты миротворческих миссий даже не суются.

Отдельно выделялся Нью-Йорк, имеющий статус международного протектората. Несмотря на благополучный

сеттльмент со штаб-квартирой ООН на Манхэттене, остальной город, похоже, целенаправленно сделали отхожим местом материка, как зеркало-антипод американской мечты.

Я смотрел недавно документалку про мертвые американские города, весьма удручающее зрелище – но со слов таксиста в протекторатах еще терпимо, в Нью-Йорке гораздо хуже. Криминальное гетто на два миллиона человек. Так что здесь, на земле Конфедерации, все еще очень хорошо – высунул я руку в окно, подставляя ладонь упругому потоку встречного воздуха.

Большую часть пути проехал вчера, границу прошел на удивление быстро, так что в Галфпорт приехал даже не к обеду, как рассчитывал, а гораздо раньше. Как раз повод для второго завтрака. Так что, когда заехал в город вдоль побережья и увидел вдали краны порта, остановился на парковке придорожного ресторана.

Интересное здание, построенное на сваях из бревен, и с разноцветными зонтиками на галерее второго этажа. Здесь, как заметил, на побережье вообще почти все дома стоят высоко на голых сваях, без первого этажа.

Плотно перекусив с упором на морепродукты, решил не откладывать дела в долгий ящик: прошелся по району и заселился в отель неподалеку от порта и яхт-клуба. Потом загнал машину на третий этаж паркинга напротив здания федерального суда. Это Америка все же, не хочется здесь надолго машину на неохраняемой парковке оставлять – вполне

могут бензин слить, дворники снять или даже колеса скрутить. Так что, оплатив парковку на две недели вперед и получив пластиковый пропуск, я отправился в яхт-клуб с мыслью осмотреться насчет аренды лодок.

В идеале хотел взять что-то по типу четырнадцатиметрового Призрака – как у Джеймса Бонда в исполнении Даниэла Крейга. Та самая яхта, на которой он в фильме «Не время умирать» на Ямайку приплыл. Для одного если, особенно для сильного и независимого, самое то. Ну, не только для одного, компанию покатать тоже можно.

Подобная яхта вполне в стиле дорого-богато, настоящее лухари. Да и практичная – на такой вполне реально поучаствовать в какой-нибудь регате выходного дня, а после принять участие в традиционном банкете с целью завести нужные знакомства.

«То, что вредно для спортсмена, все полезно для яхтсмена» – как говорил наш тактик, закуривая сразу после финиша очередной гонки. А банкеты после регат – отдельная тема, бывает, что неподготовленный организм сразу отлетает как недееспособный.

Правда, есть проблема – сразу к управлению такой большой яхты я не готов. Очень уж давно последний раз ходил под парусом. Поэтому, чтобы вспомнить, как оно вообще работает, для начала собирался взять небольшой спортивный швертбот-одиночку, чтобы снова почувствовать ветер и вернуть уверенность на руле.

С лодкой проблема решилась быстро. Пятьсот рублей, три тысячи залога и на четыре дня, включая сегодняшний (как бонус), я взял в аренду швертбот «Лазер». Совсем небольшая и легкая одиночная гоночная яхта длиной всего в четыре метра. Тяжелого киля у этой лодки нет, есть шверт – выдвижной плавник кинжального типа. Который, когда лодка на воде, вставляется в швертовый колодец. Шверт по-немецки «меч», кстати, отсюда и название лодки – швертбот.

День выдался погожий, ветер дул средний, для первого выхода после перерыва отличный – так что, не откладывая дело в долгий ящик, я переоделся в приобретенные здесь же в магазинчике при яхт-клубе вещи. Погода стоит отличная, так что купил себе яхтенные шорты, обтягивающую футболку из лайкры с длинным рукавом, страховочный жилет и солнцезащитные очки. После вооружил лодку – поставил мачту с парусом, сделал все красиво, довольно быстро вспоминая назначение всех снастей.

«Помнят ручки-то!» – удовлетворенно прокомментировал результат внутренний голос.

Выкатил лодку на телеге на песок пляжа, развернул и закатил телегу прямо в воду, вкатывая лодку кормой вперед. Запрыгнул в швертбот, не замочив кроссовки и оттолкнулся от оставшейся в воде телеги, заметив при этом одобрительные взгляды пары случайных зевак-туристов. Отъехав по инерции от берега, закрепил пристежной руль на корме и воткнул плавник шверта в колодец на полную. Подтянул

шкот, заставляя парус поймать ветер, и лодка быстро и довольно резво устремилась прочь от берега.

Как круто, я уже забыл, как оно бывает.

Лазер – швертбот спортивный, не прощающий простых ошибок. Из особенностей – легкая возможность перевернуться, если зазеваться, а также необходимость во время поворотов низко нырять под гик – нижнюю переключину, к которой снизу крепится парус. При хорошем ветре, когда при поворотах парус перекидывает с одного борта на другой быстро, гик над головой просто летает со свистом, что придает перчинки процессу. Головой если поймать – хорошего мало.

Кроме того, для хорошей скорости на курсах против ветра необходимо лодку откренить – зацепившись ногами за специальный ремень, вывешиваться наружу почти полностью, стараясь своим весом держать ее на воде ровно.

Когда я отошел от берега и разогнался на небольшой волне, ветер засвистел в ушах, а в лицо полетели мелкие соленые брызги. Я прямо возрадовался – уже забыл напрочь как это, когда выходишь в море под парусом. Подумав немного, я двинулся в сторону открытого моря, где у линии горизонта виднелся один из барьерных островов.

Ветер дул встречный, к берегу, так что шел я, периодически меняя галсы. Прямо против ветра яхта ходить не умеет, а вот под небольшим острым углом вполне свободно с тех самых пор, как древние люди придумали косой парус. И дви-

гаясь навстречу ветру зигзагом, что называется лавировкой, я летел по волнам. Настроение стало просто чудесным – у меня давным-давно такого не было, я словно в беззаботное детство вернулся.

Постепенно ветер менял направление – с южного на юго-восточный, а после еще и посвежел, усиливаясь, хорошо так задувая с востока. Я теперь шел курсом галфвинд – так, что ветер дул прямо перпендикулярно ходу лодки.

Усиление и изменение направления ветра мне не очень понравилось. Но кто ж знал, что именно этот заход ветра, с востока вдоль побережья, уже меньше, чем через час, спасет мне жизнь.

Глава 4

На порывах задувало уже весьма хорошо, так что мне периодически приходилось вывешиваться далеко за борт, повисая на откреночном ремне и рывком корпуса возвращая лодку на прямой киль.

Ветер упруго посвистывал в ушах, а я по-прежнему наслаждался моментом. И уже хорошо видел ближайший остров, расположенный километрах в десяти от берега. Хорошая такая офшорная тренировка получается, сходить двадцаточку километров туда-обратно.

Вообще, если думать трезво, как-то я... немного опрометчиво, конечно, в море вышел, особенно учитывая неожиданное усиление ветра, которого в прогнозе не было. Ну да ладно – телефон с собой, номер местной экстренной службы знаю, деньги на оплату работы спасателей тоже есть. Они тут, если не стихийное бедствие, бесплатно не работают. Это я в полученной на границе памятке советскому туристу прочитал.

Зеленая полоса берега была совсем рядом, и я, погасив скорость, осмотрелся. На следующем барьерном острове неподалеку, как знал из путеводителей, находится Форт Массачусетс. Историческая достопримечательность – именно здесь произошел едва ли не первый акт гражданской войны Севера и Юга. Но до него еще столько же по расстоянию.

Я повернул лодку и пошел в ту сторону, но после нескольких минут хода задумался – идти туда, или уже возвращаться обратно.

Изначально, по накатившей эйфории возвращения под парус, разогнался и хотел на этот форт с воды посмотреть. Вот только сейчас как-то склонялся все больше к возвращению. Ветер уже хорошо так усилился – над волнами то и дело мелькают белые барашки. Да и мышцы на задней поверхности бедра начинают побаливать, очень уж часто на кромку борта приходилось наваливаться, далеко свешиваясь за борт.

Первый остров между тем остался за спиной – я сейчас шел через широкий пролив между островами. Не, все же хватит на сегодня, пора домой – бросил я последний взгляд на открытую воду Мексиканского залива.

Чистую линию горизонта нарушали очертания массивного сухогруза. На его фоне почти терялись несколько яхт. Рыбачат, наверное – здесь это одно из популярных развлечений. Еще одна моторная яхта, блистающая под лучами солнца, приближалась – на приличной скорости, двигаясь в сторону берега.

Приняв решение – хватит на сегодня, я развернул лодку и тоже направился обратно к берегу. Через несколько минут мимо, поднимая высокую волну, проскочила на скорости блестящая под солнцем яхта. Дорогая лайба – с зеркальным остеклением рубки, площадкой для купания на корме, с от-

дельным местом для загара на носу. Которое не пустовало – там лежало сразу три девушки в купальниках.

Они лежали на животе и болтали ногами в ходе разговора, как я успел заметить. Яхта прошла совсем рядом, так что я хорошо рассмотрел лица (и не только лица) девушек, и даже смог разглядеть двух парней в рубке.

– Double ять, – только и прокомментировал я, увидев знакомую лохматую шевелюру. Мажор меня тоже увидел – когда яхта проезжала мимо, мы несколько секунд смотрели друг на друга.

Ну вот надо же такому случиться, а? Огромный континент, широкое побережье, большая вода. И ведь мало того, что встретил этого лохмача-сердцеда, так еще встретил в заведомо невыигрышных условиях.

Яхта уже обогнала меня, но я увидел, как лохматый мажор улыбнулся, поправив неизменные массивные очки в роговой оправе – только уже солнцезащитные. Я смотрел вслед и видел, как он двинулся в рубку. Почти сразу яхта погасила скорость, а чуть погода начала разворот, полого накренившись и блеснув остеклением рубки под солнечными лучами. Явно мой лохматый друг управление на себя взял.

Громко хлопнул парус. Это я тоже уже повернул – обратно, в сторону острова, и шел теперь курсом прямо по направлению ветра. Лодка теперь летела, так что нос приподнялся над волной. Стало непривычно тихо, свист в ушах пропал – я теперь шел не против, а вместе с ветром, исчез и его бью-

щий в лицо напор.

Мне нужно успеть вернуться обратно к острову, там начинается мелководье. Мне пройти прямо к берегу хватит, а этим господам будет проблемой. В том, что лучше уходить, я не сомневался – конечно, я чту заветы Господа нашего, что нужно подставлять под удар щеку, но у меня сейчас нет никакой возможности уйти под атакующую руку и со всем христианским смирением накинуть ответную двоечку в корпус.

Так что в этот раз лучше бы без меня.

Вот только вернуться к острову я не успевал – яхта развернулась, и уже летела в мою сторону. Серебристая лайба снова пронеслась совсем рядом. Опасно рядом, заставляя лодку ощутимо закачаться. Мелькнули мимо веселые лица девушек, устроившихся на носовой площадке для загара.

Одна из них – одна из блондинок «воздыхательниц» мажора, перевернулась с живота на спину и взглянула на меня, приподнявшись на локтях. А вот двое уже стояли у лееров: вторая блондинка и привлекающая мое вниманием в самолете, похожая на Меган Фокс, темноволосая красавица. Она сейчас прижимала бюстгальтер к груди рукой – видимо, загорала, развязав тесемки на спине.

Интересно, что ж так юная красотка воспылала интересом к моей персоне, раз в таком виде к лееру подошла? Ответ на этот вопрос я получил, когда черноволосая красавица с пьяным криком размахнулась и кинула в мою сторону бу-

тылку из-под шампанского. Почти попала – бутылка звучно чиркнула совсем рядом со мной по корме и улетела дальше в воду. Почти попала. Я беззвучно выругался, поглядывая в сторону берега и оценивая расстояние.

Далеко. Реально далеко еще.

Яхта между тем снизила скорость. Серебристая лайба начала кружить вокруг меня, словно акула, постепенно сужая круги. Поиграть захотели, надо же. На рубке какая-то суета, что-то готовят, похоже. Блондинка и брюнетка на носу прыгают и что-то кричат в охотничьем азарте, третья девушка так и лежит, приподнявшись на локтях и наблюдая за происходящим.

Во время очередного сужающегося круга яхта снизила скорость с намерением перегородить мне путь. Я ждал этого: повернул руль и, пригнувшись, перескочил под свистнувшим над головой гиком – поменяв галс и довернув вправо. Получилось, прошел у яхты под кормой. За спиной сразу же загудел двигатель, и поднялись буруны воды – серебристая лайба разворачивалась, чтобы снова меня догнать.

Похоже, умения в управлении лохматому рулевому недостаточно, что для меня приемлемо. Если дальше таранить и совсем жестить студенты не будут, в принципе, у меня может получиться скоро дойти до мели уже недалекого острова, куда серебристая лохань не зайдет. Дальше уже посмотрю, что делать. Хоть пару часов на острове пересажу, сейчас главное из этой поганой ситуации выбраться, выйти из этого

крайне невыгодного положения.

Часто оглядываясь то на очень медленно приближающийся остров, то на разворачивающуюся яхту, чей рулевой, видимо, настроился снова разогнаться и пройти совсем рядом, пугая меня, я почти не смотрел по сторонам в попытке набрать скорость. Но услышав испуганный девичий возглас, повернул голову – очень уж пронзителен крик, на такой сложно не обернуться.

Посмотрел в сторону приближающейся яхты, потом глянул по направлению руки так и оставшейся лежать на площадке для загара девушки. Она сейчас, опираясь на один локоть, второй рукой показывала в сторону открытого моря.

– Ох ты ни... чего себе! – в полный голос произнес я.

На нас надвигалась огромная волна цунами. Еще неблизко, но даже отсюда высота водяного вала поражала. Десятиэтажный дом, не меньше. И волна уже подхватывала поднимающий корму сухогруз, выглядевший совершенно беспомощным во власти беспощадной стихии.

Лохматый мажор за штурвалом яхты волну заметил. Отреагировал мгновенно – набравшая скорость и летевшая в мою сторону яхта резко накренилась в повороте. При этом девушки на носу завизжали: лежащая поскользила, неуклюже извернувшись и схватившись за крышку люка, вторая блондинка упала на палубу.

Третьей, пьяной черноволосой красотке, не повезло больше всех. Она, обернувшись в сторону волны, не удержала

равновесие: девушка стояла боком, держась за натянутые леера одной рукой, второй так и прижимая бюстгальтер к груди. Во время крутого разворота она невольно навалилась на натянутые стропы лееров, высотой едва достигающие ей до середины бедер, и через мгновение только длинные ноги выше головы мелькнули. Краткий миг падения и, подняв столб брызг, красотка исчезла под водой. Плавать умеет, надеюсь... ну да, держится вроде.

Серебристая яхта, не снижая скорости, продолжала разворот. Им подбирать эту вывалившуюся пьяную дуру, а мне пора бы уже спасти свою жизнь – меняя курс, я повернул к надвигающейся волне и вывесился за борт, набирая скорость. И почти сразу громко выругался – серебристая яхта развернулась и полетела в сторону берега, оставив позади бабахтающуюся в воде девушку. Подбирать ее они, похоже, даже не собирались.

Вернее, лохматый не собирался – я услышал отголоски криков, заметил прыгающую у рубки блондинку, явно привлекающую внимание к выпавшей за борт. Но яхта скорость не сбавляла, так и летя стремительно к далекому берегу.

Вопрос только – зачем? Огромную волну лучше попробовать преодолеть на открытой воде, до того момента как начнет появляться заворачивающийся гребень. Попробовать убежать от надвигающегося цунами и найти укрытие на берегу... спорное решение, мягко говоря. Если бы я был за рулем скоростной серебристой яхты, я бы тогда уж под защиту

острова лучше двинул, пробуя его обойти.

Все эти мысли у меня промелькнули за считанные мгновения. Проводив взглядом удаляющуюся в сторону берега серебристую лайбу и высказавшись в духе министра иностранных дел Российской Федерации другого мира, я повернул руль, направляясь к барахтающейся темноволосой дуре.

В отличие от того лохматого существа, которое сейчас за рулем скоростной яхты, я как-то не могу пересилить себя и просто бросить человека на смерть. Пусть даже этот человек в меня бутылкой шампанского недавно кинул с оскорбительными криками, а сам я сейчас из-за этого пьяного тела рискую жизнью.

Теоретически я знал, что на швертботе и спортивной яхте можно тормозить, если быстрым движением повернуть руль до упора, резко поставив его плавник перпендикулярно ходу движения. На спортивной яхте – с экипажем из четырех человек, давным-давно во время тренировок сколько ни пробовал, у меня так ни разу не получилось. Тогда я был юн и мне не хватало уверенной резкости движений – яхта не тормозила, а всегда начинала круто поворачивать. Сейчас же, к удивлению, у меня получилось: плавник руля встал поперек хода движения, а яхта сразу же снизила скорость, словно педаль тормоза вжал. Парус заполоскало на ветру, а я протянул руку барахтающейся девушке.

– Быстрее!

Глаза у нее и так огромные, а сейчас от ужаса и вовсе

как блюда стали. В несколько гребков она оказалась рядом, попыталась забраться на борт. Ладони заскользили по гладкому пластику корпуса, зацепиться и самой забраться внутрь у девушки не получалось. Я, недолго думая (да вообще почти не думая), подхватил ее одной рукой подмышкой, второй взялся за шикарные волосы и одним движением выдернул из воды как морковку из грядки.

Пронзительный крик боли полетел над водой. Мало того, что ей наверняка голову болью ожгло (дергал я ее со всем сочувствием), так она, вылетая из воды, еще и коленом о кромку борта ударилась. Очень больно, не спорю. Но как-то перед лицом надвигающейся смерти высотой с десятиэтажный дом, как мне кажется, это не очень существенно.

Воющая от боли черноволосая красавица сжалась в углублении кокпита, поджав ноги к груди. Я на нее почти не смотрел – внимательно наблюдая, как неотвратимо приближается высокая волна. Небольшая лодка сейчас показалась малюсенькой белой щепкой перед столь пугающе огромной массой воды – ну точно этажей восемь-десять, если с домом сравнивать.

Я, конечно, удивлялся, но время не терял – уже подобрал поймавший ветер парус и висел за бортом, откренивая лодку. Набирая скорость, я работал корпусом и шкотом с такой отдачей, как, наверное, не работают спортсмены в медальной гонке олимпийских игр. У них на кону медали, а у меня вероятность того, что если не успею забраться на волну,

то окажусь в мясорубке падающего гребня.

Если бы ветер продолжал дуть с юга, к берегу – как в тот момент, когда я выходил в море, у меня бы ничего не вышло: высокая волна закрыла бы от меня ветер и лодка потеряла скорость и управление. Но ветер сейчас дул вдоль надвигающейся огромной волны, причем ветер хороший, свежий. Так что сейчас, едва не зарываясь острым носом в воду, мой лазер уже оказался у подошвы волны и поднимался по крутому склону все выше и выше.

Мы шли вверх под все увеличивающимся углом. Выловленная из моря неожиданная попутчица, которая билась в истерике от страха и боли, начала понемногу сползать вниз, наваливаясь на мои ноги.

В одной руке у меня была палка удлинителя руля; в другой веревка шкота, который я использовал для удержания паруса в нужном положении. Сам я далеко за бортом, и в лодке у меня сейчас только ноги, которыми я цепляюсь за натянутый под моим весом ремень откренивания. И мне неожиданную спутницу не пнуть даже, приводя в чувство.

Пришлось кричать. Используя несколько экспрессивных выражений, я добился того, чтобы подобранная невоспитанная красавица озаботилась сохранением устойчивого положения. После этого я снова закричал, уже без использования волшебства резких побудительных выражений:

– Держись, дура, или упадешь! За оттяжки возьмишь, вон веревки синяя и зеленая!

Послушалась, хотя не сразу. Ах вот оно что, в чем причина – похоже, когда она падала за борт, у нее бюстгальтер улетел. Поэтому и сползала потихоньку, потому что грудь руками закрывала.

Да, мне вот сейчас делать больше нечего, как ее сиськи рассматривать. Хотя посмотреть есть на что – поинтереснее, чем у Меган Фокс и до, и после пластики, мимолетно отметил я.

Невоспитанная красавица, кроме всего прочего, была хорошо пьяна. Меня она послушалась, но при этом послушалась не до конца: схватилась совсем не за те веревки. Не за жестко закрепленные в стопорах оттяжки, а взялась за резинку держателя на шверте. Картина, как она вместе с вытянутым из корпуса лодки швертом вылетает из вставшей сейчас на дыбы лодки и улетает вниз, у меня как вживую появилась.

– Нет-нет-нет! – снова заорал я. – Синяя и зеленая веревки! Да-да, за эти! И держись!

Послушалась. И, кстати, замолчав было, она снова подала голос. Только если недавно девушка кричала от боли, сейчас завизжала от страха – когда обернулась и посмотрела вниз. Ну, в принципе, будь я здесь один, я бы тоже может покричал, хотя бы из азарта – лодка уже близка к вершине волны, смотреть сейчас вниз точно занятие для слаонервных.

Сам я к слаонервным не отношусь, но вниз все равно не смотрел, а смотрел вперед, на приближающуюся верши-

ну волны. А вот пьяная полуголая попутчица, скорчившаяся в небольшом углублении кокпита и схватившаяся за пару веревок, смотрела вниз как зачарованная. Зря – находясь в маленькой лодочке на высоте пяти-семи этажей, без страховки, это очень страшно. Как будто сел на спокойный аттракцион, а тебя вдруг понесло далеко-далеко вверх в самое небо и безо всякой страховки.

Под громкий визг девушки мы перевалили через огромную волну и устремились вниз, словно по горному склону; гора только водяная. Скорость выросла невероятно – лодка летела, оставляя за собой белый пенящийся след. Травить парус я даже и не думал – к нам приближался второй вал волны. Пониже первого, но, если его завернет в гребень и меня начнет там перемалывать, думаю, это утешением совсем не станет.

Когда мы спустились с первого вала и оказались перед вторым, находясь в самой нижней точке, я вспомнил картины, как Моисей переводил евреев через Красное море. Когда оно расступилось, и процессия шла между двух водяных стен – вот примерно так я себя сейчас и почувствовал, между двух огромных водяных валов. Только земли под ногами не было.

Вторую волну мы преодолели легче, чем первую. Нет, я все также висел на откреночном ремне, стараясь поймать побольше ветра и не дать лодке перевернуться, но происходило все чуть-чуть спокойнее. Все же во второй раз уже по-

нятно, что это можно сделать; да и подниматься вверх уже было не так круто и далеко.

Третьего вала не последовало, мы просто преодолели несколько остаточных и относительно невысоких (после увиденного) волн. После этого я сел на борт и отпустил шкот, поставив лодку в дрейф против ветра. Парус сразу заполоскало, затрепало с громкими хлопками. Я выдохнул и посмотрел на руку, выставив ладонь перед собой.

Не дрожит, надо же.

Съежившаяся в углублении кокпита в позе эмбриона попутчица попыталась что-то мне сказать, но я из-за хлопков паруса ее не услышал. Сильно все же дует – ветер уже не просто посвежел, а серьезно крепчает. В прогнозе такого буйства не было – до вечера обещали три-пять метров в секунду, с усилениями до семи. Но сейчас поддувает очень прилично и явно больше, хороший такой крепкий порывистый ветер. Вот сейчас как бы и не на десятку дунуло – парус вообще хлопает непрерывно, ветер его треплет как Тузик грелку.

Громкие хлопки паруса заглушили голос неожиданной попутчицы, но не смогли заглушить иные звуки. И я сейчас обернулся на далекий остров и молча смотрел на сухогруз. Огромная махина корабля, который совсем недавно был довольно далеко, вместе со второй волной оказался выброшен на берег. Скрипящую сминаемым металлом тушу корабля перевернуло и только сейчас он замер, словно выброшенный на берег Левиафан.

Вдруг ощутил касание за локоть. Надо же, выловленная попутчица в себя от страха пришла. Пока я смотрел на погибший сухогруз, девушка выбралась из углубления кокпита, где до этого лежала скрючившись, упакованная как кошка в банку. Села на борт напротив, одной рукой прикрывая грудь, второй тронула меня еще раз и что-то сказала. Негромко, я опять не услышал.

У меня возник соблазн зеркально вернуть ей запомнившуюся фразу из самолета, с упоминанием испанского имени Хулио. Но я пусть и не отличаюсь тактом и приличным воспитанием, все же не такое хамло, как она, поэтому сдержался. Просто посмотрел в глаза и вопросительно дернул подбородком. Пьяная красотка снова что-то спросила, я снова из-за хлопков трепещущего под ветром паруса не понял и показал на ухо.

– Не слышу!

– Ты можешь мне одежду дать? – громче переспросила девушка.

Я еще сильнее удивился.

– Тебя хоть кто-нибудь воспитывал вообще? – вопросом на вопрос ответил я.

Черноволосая красавица мой вопрос даже не поняла.

– Ты хоть одно волшебное слово знаешь? – задал я еще один вопрос.

Судя по взгляду, смысл поняла. И даже показала, что знает волшебные слова:

– Дай мне что-нибудь на себя одеть, пожалуйста!

Одеть – аж слух резануло. Надеть одежду, одеть Надежду – ну это же просто!

– Спасибо, Максим, что ты спас меня, рискуя жизнью! – громко сказал я девушке.

Попутчица даже вздрогнула. Похоже, мысль поблагодарить меня ей даже близко не приходила. Вот ведь – ни школа, ни родители элементарному не научили, приходится мне за них все делать.

«Причем безвозмездно, то есть даром», – с интонацией совы и мультика про Винни-Пуха подсказал мне внутренний голос.

Спасенная невоспитанная красавица на меня словно новым взглядом посмотрела. Опыянение, несомненно приличное, у нее уже улетучивалось, взгляд терял маслянистый блеск. Но вообще обстановка соответствующая, организм мобилизуется – если встретить вал цунами в море на небольшой лодке, бодрит весьма и весьма, гарантирую это.

– Спасибо, Максим! – отдельно произнесла темноволосая красавица.

– Пожалуйста, – преувеличенно вежливо ответил я.

Скинул страховочный жилет, бросив его в углубление кокпита и прижав ногой, потянул с себя гидрофутболку. Тонкая ткань плотно облегла тело, так что снял я ее, вывернув наизнанку. Вывернул обратно, встряхнул и отдал девушке. Она, стараясь повернуться ко мне спиной, попыта-

лась надеть плотную футболку.

Мокрая ткань слушалась плохо, девушка запуталась и едва не выпала за борт в попытке и удержать равновесие, и одновременно грудь от меня прикрыть. Нет, грудь, конечно, стоит внимания, но не понимаю, зачем так активно ее закрывать – я уже и так рассмотрел вроде бы все-все-все с самых разных ракурсов.

К тому же когда гидрофутболка оказалась надета, отличий от голого тела практически не было – мокрая белая лайкра обтягивала ее грудь так, что и не скрывала ничего, в принципе. Пока невоспитанная красавица поправляла плотную гидрофутболку, растягивая ее на себе, я вновь потянулся за страховочным жилетом.

И замер, осматривая собственные плечи и руки. Невоспитанная красотка меня о чем-то спросила, но я даже не слушал. Отпустив парус и руль, давая лодке возможность дальше дрейфовать по ветру, я в чувстве близкому к состоянию шока смотрел на свои руки. На кожу, совсем еще недавно чистую, и на которой сейчас проступали черно-багряные очертания агрессивной вязи татуировки.

«Да не может такого быть. Этого просто не должно случиться – у меня еще как минимум несколько лет в запасе», – мысли в голове заметались, как шарик в автомате для пинбола.

На коже у меня сейчас проступала вязь рунного орнамента, созданного с помощью стихии адского пламени и защи-

щающего от большинства видов агрессивных физических, магических и физико-магических повреждений.

В обычном мире, в моей прошлой реальности, как и в этой, татуировка просто не может работать – здесь нет Сияния. Сияния, или в просторечии магии, если грубо обобщать. А если я сейчас вижу татуировки, то это значит, что в этот мир открылся портал... нет, даже не портал, а скорее всего разлом.

Я примерно представлял, как возникает цунами – после того как на дне происходят тектонические сдвиги, взрывы, извержения вулканов и еще какая-нибудь хтоническая неприятность. Также я примерно знал, что первые порталы демонов должны открыться в районе Флориды. Кто б еще подсказал, что «район Флориды» – это плюс-минус тысяча километров.

Исходя из увиденного, я понял: сегодня произошла попытка открыть Разлом – многокилометровое ущелье, в глубине которого при накапливании энергии хаотично открываются порталы. Вот только прицел оказался взят не очень точно, и первый блин вышел немного комом, судя по всему. Разлом открылся на дне морском.

И это хорошо.

Понемногу приводя в порядок мысли, я внимательнее смотрел на татуировку.

В активном состоянии рунный орнамент антрацитово-черный, и окантовка агрессивной вязи должна замет-

но поблескивать отсветом багрянца. Сейчас же рисунок едва-едва виден. И это, хоть немного, но успокаивает – татуировка проявилась, но чуть-чуть, после эха Сияния, после несильного его отзвука.

Если рунный орнамент не начнет наливаться силой, значит можно будет пока выдохнуть – стало быть, первый разлом, на дне моря, не удался. А одновременно несколько разломов открыть невозможно – слишком много энергии нужно для подобного. И если рунный орнамент не засияет, значит время на передышку и оповещение у меня еще будет. Если же орнамент оживет, это значит, что...

– Что? – не понял я того, что мне уже повысив голос сказала невоспитанная красotka.

– Мог бы мне жилет отдать. Я плохо плаваю! – сообщила мне она.

– Что отдать? – все еще витая в отголосках мыслей не до конца понял я, что она вообще от меня хочет.

– Жилет! Мне! Я плаваю плохо!

Подруга, то, что ты плохо плаваешь – это совершенно маловолнующий меня фактор, мог бы сказать я. Но не стал. Мазнул по девушке безразличным взглядом, и не выходя из состояния глубокой задумчивости снова посмотрел на проявившиеся под кожей блеклые очертания рунного орнамента.

Ладно, пора делать что-нибудь – встряхнулся я. Недавний вопрос, как и вопросительный взгляд невоспитанной красот-

ки, я проигнорировал.

– Голову, – произнес я, обращаясь к девушке.

В ответном взгляде удивление и полное непонимание.

– Голову пригни! – рявкнул я.

Послушалась, склонилась вниз, вжимаясь в корпус лодки.

Я повернул руль и подтянул шкот. Лодка, поворачивая, легла на курс к берегу. При этом гик стремительно перекинуло на другую сторону, так что он просвистел над моей головой – я тоже предусмотрительно пригнулся. С громким хлопком парус поймал ветер и остановился, удерживаемый натянутым шкотом.

Ветер задувал все сильнее и сильнее. Нахождение на лодке давно перешло из статуса «легкая прогулка» в «выход в море под парусом», теперь же находилось совсем близко к тому, чтобы перейти в следующий статус «выживание».

Я сейчас даже к берегу по оптимальной прямой не могу лодку направить – дует так сильно, что я не удержу лодку. Ну или удержу, особенно если рядом с собой невежливую красавицу посадить, добавив веса возможности откренивания, но тогда есть неиллюзорный шанс получить сломанную мачту и порванный парус на сильном порыве.

После этого только грести, что мне не очень хотелось. Поэтому я шел, приближаясь к берегу не по прямой линии, а двигаясь наискось, забирая все больше влево и удаляясь от Галфпорта.

Несколько долгих минут, ощущаемых гораздо растяну-

те обычного времени в обычных обстоятельствах, прошли в молчании. Я принаравливался держать лодку так, чтобы движение не превращалось в аттракцион выживания, но чтобы при этом мы все же приближались к далекому берегу.

Невежливая красotka сидела молча и, судя по всему, представляла котел эмоций – от панического страха до злого раздражения по поводу моего молчания. Нижняя губа закушена, смотрит на меня со смешанными чувствами – то как барыня на холопа, то как преданная собачка на хозяйина.

– Видела, как гик над головой свистнул? – спросил я ее.

После вопроса девушка вздрогнула, но поняла, о чем речь и кивнула почти сразу.

– Да.

– Если что-то случится, например, мне попадет по голове, вырубит и я упаду за борт без жилета, тогда конец настанет нам обоим. Если вырубит тебя, то я не только тебя достану обратно, но смогу привезти на берег нас обоих. Это понятно?

– Да, понятно. Меня Алиса зовут.

Лиса-Алиса, надо же. Уж насколько внешне на Меган Фокс похожа, так и по имени совпало.

– Да мне плевать, как тебя зовут. Ты уже отлично представилась, когда кинула в меня бутылкой. Была бы мальчишкой, давно бы отхватила по лицу, может быть, даже с ноги. Поэтому чтобы я не пожалел, что тебя подобрал, сиди тихо

и делай все, что я скажу. Ясно?

– Ясно, – пряча взгляд, ответила уже почти полностью отрезвевшая девушка.

Ну вот и хорошо, что ясно.

Была бы нормальной, кстати, могла бы и прощения за бутылку и за пьяные крики попросить. Впрочем, мое отношение к невоспитанности красотки уже переходило на второй план. Ветер задувал все сильнее, и я, если честно, уже начинал серьезно переживать за возможность без проблем добраться до берега.

Вернее, не «без проблем» добраться, а вообще добраться.

Глава 5

Алиса то и дело пристально на меня посматривала. Девушка определенно желала или поделиться мнением, или же задать много-много вопросов по ряду интересующих ее проблем. Но сдерживалась. Похоже, моя недавняя отповедь произвела на невоспитанную красавицу серьезное впечатление.

Вот часто так бывает, что вежливость за слабость принимают, а стоит жестко всецел один раз, как сразу уважение у собеседника появляется.

Алиса продолжала с немим вопросом смотреть на меня огромными глазами, но не отвлекала. Я на нее поглядывал периодически, мельком. Был занят управлением лодкой – ветер скучать не давал, периодически поддувало очень хорошо. Вскоре невоспитанную спутницу я посадил рядом с собой на борт, чтобы не висеть в откренивании. Сразу почувствовал, как она дрожит от холода.

Отвлекшись немного от паруса, внимательно посмотрел на девушку: бледная, губы синюшные, зубы стучат. Ну да, как-то тридцать градусов на солнце к вечеру уже совсем не тридцать, что в комплексе с повышенным ветром и мокрыми брызгами вот прямо бодрят-бодрят.

Температура воды была двадцать градусов, когда выходил в обед из яхт-клуба. Но одно дело, когда светит жаркое солнце, а другое как сейчас – к вечеру, под холодным дождем

брызг. И если я еще с парусом работаю, мне почти не холодно, даже жарковато иногда, то ее явно морозит.

Снова отвлекся, отработав шкотом порыв ветра. Любая ошибка сейчас и яхта перевернется, а купаться ну очень не хотелось. А мне предлагали в яхт-клубе взять «лазер 4.7» с гораздо меньшим парусом. Нет, уперся, давайте стандартный – площадью семь метров. И думай теперь, что с этой огромной простыней делать.

Будь я на другой яхте, даже более крупной, срубил бы грот, оставив один небольшой стаксель, еще и скрутил бы его, уменьшая площадь. Здесь такой возможности нет, парус всего один и никак его размер не отрегулировать. И если ветер будет дальше усиливаться, я рискую почувствовать себя как подросток, у которого на поводке массивный кавказский овчар решил пробежаться по полю, и уже совершенно непонятно кто с кем гуляет.

По мере того, как мы пусть не по прямой, но все же двигались в сторону берега, я периодически смотрел на предплечья, наблюдая за татуировками. Выглядели очертания рунического орнамента по-прежнему, как застарелые и выцветшие партаки, что меня не могло не радовать.

Значит, даже если часть нечисти и демонов пришла в этот мир, постоянной связи в виде действующего разлома или открытых больших порталов нет. А то, что у меня на коже – просто эхо Сияния.

– Максим, прости... – видимо, молчать Лисе-Алисе стало

невмоготу.

Говорить ей приходилось громко. Я травил парус максимально – до такой степени, что ветер ловил только задним его краем. И неработающая часть паруса уже давно громко хлопала, трепеща на ветру.

Понимаю беспокойство Алисы – если не соображать, что происходит, в таком шуме и вообще в такой обстановке находиться явно неуютно. Мягко сказано. Но если попробовать использовать площадь паруса полностью, то, учитывая мои навыки, лодку может просто унести, как ураганом унесло домик вместе с Элли из Канзаса.

– Максим! – судя по всему, решила, что я ее не услышал.

Реагируя на вопрос, посмотрел на девушку. В этот момент вспомнил, что на мне сейчас солнцезащитные очки и порадовался. Предсказать ее реакцию сейчас, если она увидит мои изменившиеся из-за Сияния глаза – демонические, с черной радужкой и красным вертикальным зрачком, я не берусь. Выпрыгнет из лодки от страха, и что с ней дальше делать?

Хотя не факт, что глаза у меня изменились – эхо Сияния довольно слабое. Но все равно хорошо, что я в темных очках – факт изменений лучше в одиночестве проверить.

– Что хотела?

– Мы можем прямо к берегу идти?

– Нет, не можем.

Глаза у девушки стали, как у кота из мультика про Шрека,

поэтому я все же продолжил, поясняя:

– Ветер слишком сильный. Если идти прямо к берегу, я лодку не удержу, давно под парусом не ходил. Или переворачиваться часто будем, или мачту сломает, тогда только до Нового Орлеана по ветру дрейфом. Мы сейчас по диагонали идем. Видишь, парус по заднему краю ровный? Только тут в этом месте ветер ловит, его поэтому и треплет так. Лучше медленно, но верно, тем более что не люблю воду, когда она холодная и мокрая. Через час, по идее, до берега дойти.

– Ясно, спасибо, что объяснил.

«Как меня удивляют эти русские!» – как любил говорить один мой знакомый конголезец. Когда я его однажды спросил почему, он мне ответил: «Вы как настоящие архангелы, вы даже убиваете с добротой и милосердием!»

Да, доброта моя просто безгранична. Настолько, что сейчас даже жалко стало эту бедняжку, которая меньше часа назад, пьяно крича, пыталась попасть в меня бутылкой из-под шампанского.

– Ты можешь позвонить? – снова спросила меня Алиса.

Конечно, мог позвонить – у меня телефон с собой. Причем телефон из местных реалий – небольшой кнопочный, противоударный и влагозащитный. Артефакт этой реальности, в моем старом мире ничего подобного нет. Нет не в плане исполнения, а в плане предназначения: у меня с собой телефон, обязательный к наличию и ношению любым гражданином стран Советского Союза.

Сим-карт здесь не было, как таковых, вместо них выдавался подобный базовый мобильный телефон, причем выдавался вместе с паспортом, в паспортном столе. И только с помощью этого телефона, работающим как электронный ключ, или в случае с электронным планшетом, как точка доступа, был возможен выход в местный интернет. И позвонить я сейчас, конечно, мог, но...

Нам с Алисой, чтобы слушать друг друга, говорить приходилось громко, почти кричать. Поэтому я сначала немного подумал, но потом все же чуть наклонился к девушке и ответил так, как захотелось по первому импульсу.

– Сельская местность, разбитая дорога, морозящий дождь. Чавкая сапогами по грязи, впрягшись вместо лошади, по дороге тянет телегу утомленный похмельный мужичок. Оскальзывается, падает иногда. Мимо проезжает дорогой представительский автомобиль. Обгоняет, потом притормаживает и сдает назад, опускается стекло. За рулем молодая красивая девушка, и она спрашивает у мужичка: Do you speak English? Мужичок выпрямляется, вытирает пот со лба и говорит: Йес, ай ду. А хули толку?

Алиса сначала не поняла.

– Ты думаешь, нет сети? – догадалась она наконец.

– Мобильная по-любому упала, ты же видела, какая волна прошла. Наверняка есть возможность экстренного вызова, но придется висеть на линии и ждать. И не факт, что принявший звонок оператор местной службы спасения сможет

переадресовать твой звонок в Россию. Спутниковой связи нет, у меня общегражданский телефон, не как у мажоров из МГИМО. К тому же звонить придется тебе, я занят лодкой, а тебе телефон в руки я давать боюсь – или сломаешь, или потеряешь. До берега дойдем, там хоть обзвонись.

– Ясно, – на удивление покладисто кивнула Алиса, пропустив обе шпильки мимо ушей.

Я вдруг, несмотря на шум вокруг, отчетливо услышал, как выбивают дробь ее зубы. И внимательно посмотрел на девушку – у нее мало того, что алкогольная абстиненция, так и замерзла как цуцик. Может быть ей...

Зря отвлекся – пока рассматривал взъерошенную спутницу, хорошо так дунуло, причем с заходом. Парус наполнился ветром, я не вовремя затупил и через пару мгновений лодку аж подкинуло кормой вверх и положило парусом вниз на воду. Причем так сильно и резко, что едва через нос не бросило в кувырку.

Я соскочил с борта вниз в воду спокойно, почти контролируя ситуацию. Даже перо удлинителя руля не отпустил, погрузившись с головой, но руку оставил над поверхностью воды. Так я аккуратно спрыгнул вниз с поднимающейся лодки, что даже очки не потерял. Алиса же завизжала и не сгруппировавшись рухнула в воду неуклюже. Упала она спиной вперед и головой вниз, погружаясь полностью.

Вынырнув, девушка запуталась в веревке шкота, забилась в панике, пришлось на нее немного покричать.

– Не паникуй! Все в порядке! – отплеываясь, добавил я более спокойно.

Лодка лежала на боку, парус полоскался по волнам. Я потянул Алису за собой, проплыли к корме. Здесь оставил ее держаться за руль, а сам проплыл уже вдоль днища, к тому месту, где в центре из корпуса торчал широкий плавник шверта. Дальше дело техники – забрался и, встав на шверт, своим весом как рычагом заставил лодку вернуться в нормальное положение.

Мачта поднялась над водой как маятник, мокрый парус сразу же громко захлопал, а я рывком закинул себя в лодку. Помог выбраться из воды испуганной Алисе (аккуратно, не как в прошлый раз). После чего не торопясь расправил запутавшийся шкот, и мы вновь направились в сторону берега.

Алиса еще громко застучала зубами от холода и вскоре, уже совершенно наплевав на гордость и находящиеся между нами предубеждения, крепко прижималась ко мне в поисках капельки тепла.

Ветер, к счастью, больше не усиливался. Галфпорт, где у меня остался Кугуар на парковке, а также вещи и документы в отеле, давно скрылся из вида – высокие краны его порта даже не угадывались на горизонте, оставшись далеко справа.

Но берег был уже близко – я добрался, горжусь собой.

Левее нас виднелось широкое горло залива. Я помнил карту – это залив Сент-Луис, относительно небольшой,

километров на семь углубляющийся в береговую линию. В иной ситуации я бы зашел в него и прошел дальше, чтобы на берег высаживаться уже в относительно нетронутых волной цунами районах. Но время уже к семи вечера, солнце уверенно катится к закату, раскрасив небо в стороне Нового Орлеана в кроваво-красные цвета. Вода еще под лучами закатного солнца бликует – багряная, как кровь.

Целое море крови.

Скоро совсем стемнеет, поэтому я направил лодку сразу прямо к берегу. Под громкие хлопки трепещущегося по ветру паруса подошел к пляжной линии, вытащил шверт, отстегнул руль. Спрыгнул в воду – здесь уже совсем неглубоко, вода ниже пояса. Потасил лодку к линии прибоя на пляже, но до конца не дошел.

– Вылезай, – махнул я рукой, после чего Алиса без задержки и без вопросов выпрыгнула из лодки. Надо же, какой покладистой стала.

Девушка хотела было направиться к берегу, но я ее жестом остановил: лодку, чтобы не испортить, нужно вынести на берег на руках. Понятно, конечно, что царапины на днище – не самая главная проблема сейчас, когда берег захлестнуло волной цунами. Но все же трагичная катастрофа не повод плевать вообще на все.

Лазер, в теории, на руках можно переносить вдвоем прямо с мачтой. Вот только в Алисе я не был уверен – во-первых она босая, мало ли наступит на что запнется и уронит.

Во-вторых ее колотит по-прежнему, может и просто не удержать. Поэтому я попросил ее подержать лодку на воде, а сам высвободил из стопоров все веревки и, поднатужившись, достал мачту. Перехватив ее, покачиваясь под тяжестью от напора дующего ветра, отнес ее и положил на песок пляжа.

После этого аккуратно вынесли лодку. Я отстегнул от мачты гик, вдвоем с Алисой быстро скрутили парус вокруг мачты. Невоспитанная красotka, конечно, образцовое хамло, но вроде сообразительная – ни разу не затупила, и все, что я говорил, выполняла быстро и четко. Не переставая дробно стучать зубами от холода.

И только после этого, под ее просящим взглядом, я достал из кармана телефон и разблокировал экран. Мобильной сети, ожидаемо, не было, доступна только опция экстренных вызовов. Но я, на самом деле, и туда звонить я сейчас не собирался – Алисе я солгал на воде, только чтобы ее успокоить.

Мы оба живы и здоровы, из повреждений – только ссадина на коленке Алисы, которая возникла во время экстренной эвакуации из воды в лодку перед лицом надвигающейся волны. Тысячи людей сейчас в гораздо более худшем положении, чем мы, поэтому я не собирался занимать линию экстренной помощи только для того, чтобы девушка попробовала связаться с родителями. И этим, возможно, отняла бы у кого-то золотое время для спасения жизни. Когда я сообщил об этом Алисе, она открыла было рот, но чуть погодя подумала, и закрыла. Спорить даже не стала.

Аккуратно сложили парусное вооружение рядом с лодкой, которую поставили в неглубокую ложбинку на пляже. И только после этого я принялся предметно осматриваться по сторонам.

Мы сейчас находились на большом пустынном пляже. Чуть дальше – идущая вдоль побережья двухполосная дорога, по которой без аллеяного порядка растут одинокие пальмы, а также большие и раскидистые дубы. Не такие густые, как у нас в России, листва гораздо реже. И среди окружающей зелени то тут, то там белеют одинокие дома, не выше трех этажей. Хорошие такие дома, солидные особняки, выстоявшие под ударом стихии.

В престижный район приплыли, похоже. Дома устояли, почти все деревья тоже, лишь несколько завалено. На дороге асфальт почти скрыт нанесенным песком. Далеко слева, ближе к горлу залива, куда я не пошел, виднеется четырех или пятиэтажный кондоминиум, как называется это здесь. Кондоминиум, или жилой комплекс, как называлось это у меня в России иной реальности. Как здесь это называется, пока не знаю.

Ни в домах поблизости, ни в жилом комплексе неподалеку ни одного очага света. Ну, ожидаемо. Но в целом выглядит все не так плохо, как я ожидал. Дело, наверное, в барьерных островах – к берегу рассеченная ими огромная волна пришла уже не такой огромной, и не снесла здесь вообще все до основания.

– Пойдем, – бросив снятый жилет в лодку, махнул я Алисе.

Еще причаливая к берегу, заметил удивительно как уцелевшую сине-белую вывеску магазина спортивных товаров неподалеку, на нее сейчас и ориентировался.

– Максим, – окликнула меня Алиса, догоняя. – Может, посмотришь, появилась ли связь?

Это у нее от холода, интересно? Десяти минут не прошло, как вместе смотрели в телефон, который предлагал только экстренные вызовы.

Я остановился и выразительно глянул девушке в глаза. Потом вздохнул, достал телефон, посмотрел. Связь, ожидаемо, не появилась, что я и продемонстрировал Алисе.

Хотел было сказать, что опция глупых вопросов в общении со мной более не предусмотрена, но удержался – очень уж жалко девушка выглядит. Растерянная, босая, обхватила себя руками и трясется вся крупной дрожью.

– Пошли, – махнул рукой и не оборачиваясь, двинулся в сторону спортивного магазина.

Пересекли дорогу, осмотрелись. Здесь совсем недавно стояла пара придорожных построек – обе на сваях. Вот только одну смыло, остались лишь бревна с разным раскиданным вокруг мусором торчат. Второе здание, сам магазин, частично уцелело – только одной боковой стены не было, которая вместе с выломанными бревнами свай лежала поодаль.

– Is anybody here? – громко крикнул я, глядя наверх. –

Есть кто-нибудь? – также громко повторил на русском.

Ответа не было. Или людей с продавцом унесло вместе с частью здания, либо же они сами ушли отсюда после прохождения волны. Лестницу наверх смыло, но совсем рядом, впечатанная потоком воды в крупные выстоявшие бревна свай, лежала на боку машина, частично заваленная мусором и плетками водорослей. С нее вполне можно перепрыгнуть на сохранившуюся часть внешней галереи магазина.

Поставил ногу на глушитель, залез наверх. Через открытое пассажирское стекло заглянул в салон. Как здесь в полицейских сводках говорят: «Крупный белый мужчина, на вид около пятидесяти лет». Мужчина на водительском месте, определенно мертвый – в машине набралось достаточно воды, так что голова его полностью скрыта.

Обернувшись, подал руку Алисе. Помог ей забраться наверх, показал пройти вперед. Девушка вместо этого заглянула в салон и коротко взвизгнула.

– Не надо туда смотреть, – запоздало произнес я.

Потянув за руку, я поднял Алису на ноги и, поддерживая, провел ее вперед, так что она твердо встала на переднем крыле.

– Допрыгнешь?

Отвечать Алиса не стала. Качнулась, прыгнула – легко перелетев отделяющий нас от галереи метр расстояния. Невоспитанная, но сообразительная и спортивная.

Я собрался было прыгнуть на внешнюю галерею магазина

следом за ней, но не стал. Осторожно присел, через приоткрытое пассажирское стекло просунул руку в салон, пошарил по обивке двери. Надо же, ручка стеклоподъемника есть. Покрутил, открывая стекло до упора. После лег на дверь и пролез внутрь машины, так что голова и плечи оказались в салоне. Аккуратно открыл бардачок.

– God bless the Second Amendment, – уважая традиции местных территорий, не удержался я от благодарности Господу за Вторую поправку, увидев матово-черную беретту с коричневыми щеками рукоятки.

Ни кобуры, ни запасного магазина в бардачке не оказалось. Но и так в хозяйстве пистолет лишним совершенно не будет. Вылез из машины, достал магазин. Стандартный, на пятнадцать патронов, наполовину пуст. Вот такой я пессимист. Оттянул затвор, посмотрел наличие патрона в патроннике. Не было. Впрочем, если бы был, я бы не удивился. Америка же, южные штаты.

Перепрыгнул на галерею, после убрал пистолет за пояс шорт сзади и повернулся к ожидающей меня Алисе.

– А зачем тебе пистолет? – подрагивающим от страха голосом спросила девушка.

Смотрит на меня при этом как кролик на удава. Похоже, из тех людей, которые боятся оружия. Просто боятся оружия, даже если оно на них не направлено.

– Ты на каком факультете учишься?

– Я не... я школу только закончила.

– А на каком учиться будешь? В МГИМО же собралась?

Так и спросил: «будешь». Судя по риторике компании «мажоров», они предопределенно поступают, куда родители скажут, а вопрос сдачи экзаменов для них вовсе не вопрос.

– Д-да. На факультет Международно-правовых отношений, – моментально ответила Алиса. Похоже, наличие у меня пистолета добавило ей плюс десять к скорости и полноте ответов.

– Ясно. Так вот скажи мне, товарищ Алиса, как будущий правовед-международник, чему ты только что стала свидетелем?

Губы девушки задрожали. Точно у нее иррациональный страх перед оружием, и ее сейчас потрясывает уже не от холода. Ответа на вопрос у нее, кстати, не оказалось.

– Ты только что наблюдала акт мародерства в моем исполнении, – произнес я. – И сейчас ты сама будешь совершать подобный акт, если смотреть на вопрос с юридической плоскости. Поэтому, пока ты пойдешь искать одежду, чтобы прикрыть свои голые булки, я пойду вон туда к кассе, найду бумагу с ручкой и напишу записку, где кратко изложу обстоятельства нашего визита и пообещаю занести деньги за одежду, как только появится возможность.

– Но ведь...

– Подожди, я еще ликбез не закончил. Оглянись и скажи, чего ты не видишь? Особенно туда посмотри, где Новый Орлеан должен быть.

Алиса оглянулась по сторонам. Солнце еще не ушло, готовясь нырнуть за горизонт, но на улице уже все залито багрянцем заката, и то, что я хочу показать, заметить вполне можно.

– Нигде не видно электрического освещения? – спросила девушка. – Темный берег?

Невоспитанное хамло, но все же сообразительная, я не ошибся в оценке.

– Правильно. Причем мы с тобой находимся в штате, где преобладает чернокожее население, среди которых много местных негров, что по-русски расшифровывается как негражданин. Конкретно сейчас, если ты обратила внимание на особняки и кондоминиум неподалеку, мы находимся в престижном районе, где, похоже, проживает в основном белое население. Дубы эти видишь вокруг? Южный дуб называется, символ старого Юга. Такие высаживали вокруг хлопковых плантаций, на которых рабы трудились. И есть вполне неиллюзорный вариант, что именно сюда уже совсем скоро придут банды лутеров-мародеров, с которыми нам лучше не сталкиваться, чтобы не попасть под выплеск исторической памяти черной классовой ненависти к белым.

Хотя, абстрагировавшись от расовых проблем, думаю, не исключен вариант встретить и не озабоченную подобными вопросами бандитствующую шваль. И, если подобной встречи избежать не получится, то в таком случае лучше иметь при себе пистолет, чем не иметь. Именно поэтому я

и взял оружие из бардачка машины, мне с ним спокойнее.

На самом деле я не только и не столько банд лутеров-мародеров опасался. Но сказать девушке честно о том, что из-за активизации татуировок боюсь встретиться не только с лутерами, но и со стаями нечисти или отрядами демонов, значит поставить под сомнение свое психическое здоровье.

– Но полиция...

– Какая полиция?! Тут побережье на береговой линии километров в двести к черту вымыло, в Новом Орлеане в ближайшие пять дней как минимум филиал апокалипсиса настанет. До таких районов, где мы сейчас, никакой полиции дела не будет. FEMA, или как тут у них федеральное МЧС называется, за пару дней точно ситуацию не исправит. Национальная гвардия раньше завтрашнего дня не появится, и то я в этом оптимист. Наши проблемы только начинаются, в море это еще цветочки были. Андестенд?

– Да, я поняла. А что такое МЧС?

Я мысленно выругался. Штирлиц из меня не очень, вообще не контролирую озвучиваемую информацию.

– По чрезвычайным ситуациям министерство.

– Понятно.

– Иди одежду себе ищи, только давай в темпе. Магазин точка притяжения, надо бы свалить отсюда побыстрее.

Не обращая больше внимания на девушку, я пошел к развороченному прилавку, у которого на полу валялась касса. В столе, в одном из ящиков, нашел пухлую тетрадку с запи-

сями и ручку, быстро набросал записку на русском и английском насчет взятых вещей. После этого сам двинулся в сторону завалов вешалок и стеллажей.

Все было мокрое, перемешанное, но я довольно быстро выудил себе футболку на вешалке-плечиках с моим размером. Хм, интересная двойная картинка-пиктограмма изображения людей, как на дорожных знаках. На первом изображении мужчина и женщина занимаются любовью, причем леди стоит, наклонившись вперед, а джентльмен пристроился сзади. На второй картинке леди в платье, а мужчина перед ней на коленях, протягивая разлетающиеся купюры. И текстом вопрос на английском: «Ты счастлив или женат?», причем слово «счастлив» написано под первой картинкой, слово «женат» под второй.

Старая добрая Америка, узнаю тебя без грима.

– Какая сексистская мерзость! – совершенно искренне возмутился я, надевая футболку.

После этого вытащил из груды вещей непродуваемую и непромокаемую куртку с высоким горлом, на флисовой подкладке. На ночь погреться пойдет – на улице тепло, градусов двадцать. Если не на ветру ночевать, то просохнуть и будет вполне комфортно.

– Не смотри, я переодеваюсь, – произнесла откуда-то сзади Алиса, про которую уже забыл.

Вот не сказала бы, нужна бы она мне сто лет в обед была. А как сказала, так сразу появилось желание обернуться

и посмотреть, что же там происходит под шуршание одежды.

Пока Алиса переодевалась, я нашел в куче аксессуаров ремень. Шорты у меня не пляжные, а для яхтинга – плотные и до колен, с карманами, есть петли для ремня. Без ремня держатся отлично – на боках стягивающие резинки, но вот чтобы убрать за него пистолет ремень лишним точно не будет. Помню как-то в юности шел по Купчино, мимо ехала патрульная машина, и у меня ровно в этот момент пистолет сзади из-за пояса выскочил и свалился вниз, в шорты. У меня тогда получилось удержать его между ног, причем почти не меняя шаг – и все это под пристальным взглядом полицейского. Запоминающийся, надо сказать, момент, повторять даже без патрульной машины не хочется.

– Все, можешь оборачиваться, – произнесла Алиса, про которую с воспоминаниями и настройкой ремня, чтобы пистолет держал, я опять забыл.

Обернулся, посмотрел. Ну, стандартный для побережья вид – короткие джинсовые шорты, белоснежный топ и кроссовки, в руках плотная толстовка с капюшоном.

С белым цветом она, конечно, погорячилась. Ну да, не мои проблемы, говорить о том, что на сером и черном грязь хуже видна, я ей, конечно же, не буду.

– Держи, – протянула мне мокрую гидрофутболку девушка. Футболку я оставил в магазине – по улице в такой ходить не очень удобно, это ведь для того, чтобы по волнам раскатать, на швертботе или на доске. Как повседневная одежда

не очень.

Выбрались из магазина спортивных товаров, пошли по размытому газону, обходя глубокие лужи и кучи мусора. Откуда его столько взялось здесь, непонятно. Хотя если подумать – волна прошла вперед, продвинувшись далеко вглубь побережья, а после отступала обратно в море, забирая с собой много всего разного.

Пройдя метров триста от побережья, я остановился под сенью дуба, раздумывая, куда направимся дальше. Слева, совсем неподалеку, белеет в подступающей темноте особняк. По виду дворцовая усадьба самая настоящая, как Белый дом, только в миниатюре. Справа два вполне обычных дома – один, судя по всему, снесло со свай и проехавшись вместе с волной, он врезался во второй. Вокруг громоздились кучи мусора, несколько перевернутых машин.

Солнце уже зашло, но видно все отлично – на небе уже появилась полная луна, освещая все вокруг призрачным серебристым светом. Знаменитые южные дубы, кстати, в лунном свете выглядят необычно: на многих деревьях с ветвей вниз свисают клочья или лиан, или плюща, черт знает как это называется. И раскидистые деревья в разбавленной лунным светом темноте выглядят живыми. Впечатление, словно мы в оживший фильм ужасов попали. Нуар вокруг, самый настоящий.

Судя по тому, как темноволосая невоспитанная красавица вцепилась в мой локоть, у нее это впечатление гораздо силь-

нее. Мне-то что, я с темной нечистью нос к носу сталкивался, мне что катаклизмы, что эти дубы...

– Туда, – махнул я рукой в сторону нагромождения из двух простых домов.

– Почему не туда? – спросила Алиса, показав в сторону белого особняка.

Вопрос ее я проигнорировал. Хотел было ответить, но в памяти появилась картинка воспоминаний, как эта сейчас такая испуганная и дрожащая от холода и страха девушка совсем недавно кидалась в меня бутылкой с катера. С ругательствами, которые вслух в приличном обществе не произнесешь.

– Ты идешь?

– Да, – не стала девушка задавать больше вопросы.

Бутылку шампанского я не забыл, но морально топтаться на ее чувствах сейчас не собирался. Когда оппонент слаб и жалок, в этом нет никакой чести.

«По прошествии времени преступник забудет причину своего преступления, поэтому лучше всего сразу его казнить», – тут же озвучил внутренний голос цитату из кодекса самурая.

«Ой, да заткнись ты, умничать тут будешь», – мысленно выругался я сам на себя, направляясь к заваленным намытым хламом домам. Обойдя остатки смытого волной и частично сложившегося дома, зашли во второй, устоявший на сваях. Я опасался найти здесь мертвых людей, но дом ока-

зался пуст. Все же волна ударила после обеда – в то время, когда жители еще в основном не дома, а еще на работе.

Этот уцелевший дом не стоял на сваях, словно на куриных ножках – как большинство домов у самого берега. Но первый этаж здесь хозяйственный: гараж, беседка, мастерская. Все завалено мусором, в пустом гараже на две машины стоит вода. На втором этаже несколько стекол выбито – от удара второго дома, но с обратной от берега стороны обнаружилась уцелевшая сухая комната. Судя по розовому одеялу и плакатам на стенах, принадлежит девочке-подростку.

– Располагайся, – взял я за руку Алису, проводя в комнату. Девушка в коридоре была явно дезориентирована, шла, выставив руки и глядя невидящим взором широко раскрытых глаз. Тыкалась бы как крот, если бы я ее не провел.

– Как ты здесь видишь вообще? Еще и в очках? – не выдержала вдруг она.

Хм. Интересный вопрос, я как-то не обратил внимания. Ну вот так, вижу: во мне, похоже, вместе с эхом Сияния проснулась частичка демонической сущности. Поэтому темнота для меня как для кошек, серыми красками раскрашена.

Или же это дело не во мне и не в Сиянии, а у этой слепшарой подруги просто куриная слепота, или как там называется неумение быстро привыкать к изменению естественного освещения. Хотя я в темных очках, так что без некоторых изменений моих возможностей точно не обошлось.

Оставив Алису в «розовой» комнате, прошел в сосед-

нюю, с разбитым окном. Вытащил оттуда в коридор комод и небольшой стеллаж и сбросил их на лестницу вниз по ступеням так, что они встали в распорку. Выбитое окно комнаты смотрело прямо на остатки разломанного и сложенного дома, по которому, в принципе, сюда можно было забраться. Поэтому разбитое окно я перегородил большим шкафом, уронив его, так что через это окно влезть без шума не получится.

Полностью мои манипуляции, конечно, возможность попасть на второй этаж не перекроют, но, если кто-то ночью попытается подняться к нам, я хотя бы заранее это услышу.

Кухня в доме находилась на первом этаже – куда я с трудом спустился через свою же баррикаду. Холодильник не работал, да и продуктов там оказалось мало. Взял пару готовых гамбургеров в магазинной оберточной бумаге, молоко, нашел в кухонных шкафах кукурузные хлопья, бросил в пакет с едой глубокую тарелку, ложку.

Когда нашел внизу зеркало, снял очки – глаза нормальные. Отлично, просто отлично. А то ориентируясь в темноте в солнцезащитных очках, внимание привлекаю и вопросы провоцирую, не без этого.

Возвращаясь на второй этаж, перелез через баррикаду, отметив места, куда надо еще хотя бы кресло бросить, вернулся в «розовую» комнату. Алиса уже забилась в угол между стеной и кроватью. Сидела на полу, поджав колени к груди и обхватив их руками.

От еды девушка отказалась. Подойдя к окну, я задернул занавески наполовину и сел на подоконник, начиная ужин. Так чтобы и за улицей следить-наблюдать, и чтобы мой силуэт вдруг не увидел никто.

Неспокойно мне как-то – отметил я, жуя холодный гамбургер. Потому сюда и пришел, а не к людям. Понятно, что гораздо комфортнее было бы переночевать в жилом комплексе кондоминиума, который с берега видели, или попробовать попроситься на ночлег в дворцовый особняк неподалеку. Массивное здание, наверняка там на втором этаже все в порядке.

Но предчувствие меня от этого останавливало.

Вроде бы здесь другой мир, совсем другие соединенные, вернее, в этом мире разъединенные штаты, но все же чувствую, шестым чувством, назовем это так, что добром случившееся не кончится.

Американцы парни увлекающиеся – золотой середины у них нет. Они, даже в благополучном своем обществе, то исполнившую в Унесенных ветром роль Мамочки актрису на премьеру не пускают, потому что для черных по законам штата должен быть отдельный зал, то «Унесенных ветром» из списков к показу вычеркивают, как расистский фильм, при этом вводят обязательные культурные расовые квоты.

Здесь же, в этом мире, где под эгидой ООН существует институт негров, не-граждан, вообще опасаться уличных беспорядков велело само Провидение, как тут говорится. В об-

щем, в особняке или кондоминиуме было бы комфортнее, но, по моему разумению, лучше перебдеть, чем недобдеть.

Послушав немного тишину за окном, я повернулся к Алисе и заговорил негромко. Хотя голос мой звучал пусть и негромко, но в полной тишине был хорошо слышен:

– В особняк тот мы не пошли, потому что он со всех сторон такой красивый виден. И если в этом месте появятся мародеры, вооруженные мародеры, то именно туда они придут в первую очередь. Может быть, это перестраховка, но мне кажется лучше провести ночь пусть не в очень комфортных условиях, зато в относительной безопасности.

– Вот это время отклика у тебя, – прокомментировала Алиса, намекая на то, что вопрос свой задавала еще четверть часа назад, когда мы под сенью дуба стояли осматриваясь.

Голос у нее уже не дрожит, похоже, понемногу в себя приходит. На едкий комментарий приходящей в себя девушки я внимание не обратил, продолжил:

– Километрах в десяти от берега проходит десятая федеральная магистраль.

Дорогу эту я помнил – мог по ней сюда добраться, если бы через Таллахасси поехал.

– Это самая крупная дорога на юге, идет из Флориды до Техаса и дальше. Надеюсь, трасса в порядке – и тогда на ней наверняка мы найдем пусть не помощь, но попутку до Орлеана, или лучше до Мобайла.

– Почему лучше?

– В Орлеане наверняка задница сейчас. Там водохранилище большое, если волной затворы разрушило, уровень воды поднимется и город надолго затопит. В Орлеане нам по идее надо в советское посольство, но, если они сами будут на крыше сидеть, нам вряд ли помогут.

– В Новом Орлеане нет посольства, только торгпредство.

– Да без разницы, все равно, думаю, лучше в Мобайл направиться.

– В Мобил.

– Что?

– На русском он Мобил называется.

– Как скажешь. Там наших, скорее всего, нет, но если проехать вглубь материка в Джексон, в столицу штата, вероятно, найдется хоть какое-нибудь советское представительство. А из Мобайла... ничего, что я на английском, ду ю андестенд? Из Мобайла до Джексона полтора часа езды. Так что завтра как рассветет, пойдем на север к магистрали.

– Почему ты так уверен, что Новый Орлеан затопит?

Отвечать я не стал. Был в этом мире здесь разрушительный ураган Катрина, не был – не знаю. А если даже и был, Катриной он вряд ли назывался. Зато знаю точно, что тогда бедствие парализовало город, вернув его в средневековье – полиция самоустранилась, а спасательные службы показали свою несостоятельность. Как в этом мире было и будет, точно предсказать не берусь, но смотрю без оптимизма.

Алиса ничего больше не спрашивала, сидела молча,

так и забившись в уголок. Доставать ее оттуда или укладывать на кровать я не собирался. Симпатии к ней не испытываю, чтобы ухаживать, на дворе не зима, температура комфортная – как ягодицы на полу отсидит, самостоятельно на кровать залезет.

Сам же я спать не собирался. Если только подремать, сидя на подоконнике в состоянии готовности, когда мгновенно просыпаешься от любого постороннего шороха и звука. В полной тишине прошло минут, наверное, десять. Я уже не смотрел на улицу, а прикрыл глаза и отдыхал, освободив голову от мыслей.

– Ты видел вертолет?

Услышав вопрос Алисы, сначала не понял, правильно ли я понял сказанное.

– Видел ли я вертолет? – переспросил на всякий случай.

– Да, видел ли ты вертолет? – в голосе девушки послышались нотки раздражения. Опять ее хамская натура проявляется. У нее, похоже, на холоде активность снижена, а как только становится теплее, сразу расцветает цветочек аленький.

– Видел ли я вертолет когда и где? – так и не понял я, чего она от меня хочет.

– Когда мы на большой волне были и потом, позже. Из порта Галфпорта вертолет не взлетал, ты не видел случайно? – пояснила Алиса.

Вот оно что! – понял вдруг я причину того, что лодка так

резво развернулась в сторону берега.

– То есть твой лохматый друг не стал за тобой возвращаться, потому что в порту вас ждал вертолет, и он, увидев приближающуюся волну, поторопился спасти свою шкуру?

Отвечать Алиса не стала. Несколько минут просидели в молчании.

– Да, мы на вертолете прилетели вчера, – вдруг сказала она, когда я уже забыл о ней и снова прикрыл глаза. – В порту вертолет нас должен был ждать, чтобы забрать после морской прогулки. Когда мы возвращались, как раз незадолго до...

Девушка замялась.

– Незадолго до того, как вы увидели меня, и ты красиво показала свой уровень воспитания и культуры, – помог я ей с определением.

– Да, до того момента, как тебя увидели, мы сообщили, что подходим к берегу, и вертолет должен был быть готов к взлету.

– Ну да, имеет смысл, особенно, если у твоего лохматого друга на тот момент еще, как ты говоришь, связь была. Да, а вертолета в небе я не видел. Хотя это не значит, что его не было, и твой друг туда не успел.

– Альберт мой брат.

– Брат? Какая прелесть. У вас прекрасная семья.

– Сводный брат. Мой отец...

– Божечки, да мне все равно кто твой отец, можешь даль-

ше не рассказывать, – я сладко зевнул. – Посиди, пожалуйста, молча до утра, если можешь.

Алиса замолчала. Потом засопела громко, обиженно.

Мне на чувства девушки было наплевать – свои человеческие качества в мою сторону она уже отлично продемонстрировала.

Так, стоп.

Со всем этим стихийным бедствием я как-то упустил, зачем я вообще здесь, зачем сюда приехал. И отец девушки, которая может себе позволить летать в яхт-клуб на вертолете, пригодился бы как тот человек, который готов выслушать меня хотя бы из чувства благодарности.

Опять я импульсивно выступил, ну да, фарш обратно не провернешь.

Да и ладно, черт бы с ним. Завтра будет новый день, будет и новая пицца. Как говорится, если вы на всеобщем обозрении в гостях пролили соус на белоснежную скатерть и желаете, чтобы все поскорее забыли об этом конфузе, встаньте и громко назовите хозяйку тупорылой дурой.

Это я к тому, что раз тут вокруг столь нездоровая канитель начинается, что может быть ночная обида лисички Алисы завтра станет для нее совсем малозначимым фактором.

Глава 6

Ночь прошла тихо и спокойно. Настолько спокойно, что я расстроился – думая о том, что сильно перебрал с этими заваливаниями лестниц с окнами.

Солнце взошло около семи утра. Я к этому времени – еще когда темноту разбавили предрассветные сумерки, уже позавтракал, умылся и даже зубы почистил. Правда, щетки зубной не оказалось – вернее, в ванной комнате были, но чужие, пользоваться ими не стал. Так, пасту пальцем по зубам потер, после рот прополоскал.

Насыпал в глубокую миску хлопьев, залил молоком, сунул ложку и отнес в комнату. Алиса с пола на кровать все-таки ночью перебралась и не раздеваясь залезла под розовое покрывало. Заснула она далеко после полуночи, до этого долго ворочалась.

Девушка еще спала, но беспокойно – я слышал, как еще она негромко постанывает. Не исключено, что кошмары снятся. Да и дышит с трудом, явно насморк после вчерашнего.

Поставил тарелку на тумбочку рядом с кроватью, постучал по краю ложкой. Никакой реакции.

– Wakey wakey, eggs and bakey, – приспустив покрывало, потрогал я девушку за плечо.

Алиса вздрогнула так, что аж подскочила. Замолотила но-

гами, подталкивая себя к изголовью кровати, подтянула покрывало к груди. Ошалелым взглядом посмотрела на меня, заозиралась вокруг, пытаюсь понять, где находится и что вообще происходит.

Заговорил я, когда, судя по взгляду, девушка поняла, кто она и где, а также вспомнила, что случилось вчера.

– Завтрак, – показал я ей на тарелку. – Давай умывайся в темпе, завтракай и пойдем.

Кивнув, Алиса еще раз, уже осмысленно осмотревшись по сторонам, соскочила с кровати. Пошла в ванную, быстро умылась (молодец), вернулась в комнату.

– Я готова, пойдем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.